

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Серия: Историческое образование

Е.А. Высотина

ИСТОРИЯ РОССИИ

I половина XIX века

Сборник документов и материалов

Рекомендовано учебно-методическим советом БГУ
для специальности «История»

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2008

УДК 94(47) (093)
В 93

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Редакционная коллегия серии

С.В. Васильева, канд. ист. наук
В.В. Плюснина, канд. ист. наук (отв. ред.)
К. Б-М. Митупов, д-р ист. наук, проф. (руководитель)

Рецензенты

Л.Б. Жабаева, д-р ист. наук, проф.
И.А. Маланов, канд. пед. наук, доц.

Высотина Е.А.

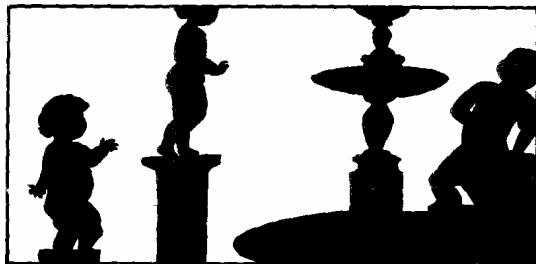
В 93 **История России. I половина XIX века:** сб. документов и материалов: учеб. пособие / серия: Историческое образование. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2008. – 108 с.

Пособие содержит выдержки из работ историков разного времени и разных направлений в исторической науке и документальный материал, позволяющие углубить знания по изучаемому периоду. В конце издания содержатся краткие сведения о цитируемых авторах.

Предназначено для подготовки к семинарским занятиям по курсу «История России. I половина XIX в.» для студентов 2 курса исторического факультета.

© Е.А. Высотина, 2008
© Бурятский госуниверситет, 2008

«ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВЫХ ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО»

Воспитание и взгляды молодого Александра I и юного Павла были во многом схожи. Как и отец, Александр был воспитан в духе идей Просвещения об «истинной», «законной» монархии. Его наставником с 1783 г. был швейцарец Ф.-Ц. де Лагарп, профессиональный юрист, последователь энциклопедистов. Для Александра Лагарп был не просто учителем, но и нравственным авторитетом. Документы свидетельствуют, что взгляды Александра в юности носили довольно радикальный характер: он симпатизировал Французской революции и республиканской форме правления, осуждал наследственную монархию, крепостное право, процветавшие при петербургском дворе фаворитизм и взяточничество. Есть основания полагать, что сама придворная жизнь с ее интригами, вся закулисная сторона «большой политики», которые Александр мог близко наблюдать еще при жизни Екатерины, вызывали у него негодование, чувство отвращения к политике как таковой, желание не принимать в ней участия. Так же относился он и к слухам о замысле Екатерины передать ему престол в обход Павла:

«Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости. Мы с женой спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, и про нас больше не услышат». И позднее, уже, как кажется, смирившись с необходимостью царствовать, он писал:

«Но когда же придет мой черед, тогда нужно будет трудиться над тем, постепенно, разумеется, чтобы создать народное представительство, которое, будучи направляемо, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы и я ...удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества, и наслаждался бы им»

(цит. по: Лихоткин Г. А. Сильвен Марешаль и завещание Екатерины II. Л., 1974. С. 12).

Таким образом, в отличие от Павла I Александр, вступая на российский престол, не был, видимо, особенно властолюбив и еще не успел отказаться от идеалов молодости (ему было в это время 23 года). Сквозь призму этих идеалов смотрел и на действия отца, совершенно не сочувствуя ни его целям, ни методам. В 1797 г. он писал своему учителю Лагарпу: «Мой отец, вступив на престол, захотел все реформировать... Все сразу же было перевернуто с ног на голову. Это только увеличило беспорядок, и без того в слишком сильной степени царивший в делах. <...> Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами; есть только абсолютная власть, которая творит все без разбора. <...> Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены»

(цит. по: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 48-49).

В этом же письме Александр сообщает и об изменении своих планов: сначала осуществить революцию, которая «была бы произведена законной властью», а уж затем удалиться от дел. Еще в середине 90-х гг. вокруг Александра сложился небольшой кружок единомышленников. Это были, во-первых, В. П. Кочубей – племянник екатерининского канцлера графа А. А. Безбородко, во-вторых, князь А. А. Чарторыйский – богатый польский вельможа на русской службе, затем граф А. С. Строганов – сын одного из самых богатых и знатных людей того времени – и наконец Н.Н.Новосильцев – двоюродный брат Строганова. В этом кружке «молодых друзей» обсуждались пороки павловского царствования и строились планы на будущее.

Следует, однако, заметить, что жизненный опыт Александра и членов его кружка был очень различен. Так, Строганов и Кочубей

были свидетелями событий в революционной Франции. Первый находился там в самом начале революции со своим губернатором Жильбером Роммом, посещал заседания Национального собрания, стал якобинцем и был силой возвращен домой в 1790 г. Второй попал во Францию уже в 1791-1792 гг. после нескольких лет жизни за границей и, в частности, в Англии, где он изучал английскую государственную систему. По возвращении в Россию Кочубей получил назначение послом в Константинополь, где провел еще пять лет. С образовательными целями побывал в Англии и князь Адам Чарторыйский, у которого имелся также опыт совсем иного рода: он сражался против России во время второго раздела Польши. Самым старшим из участников этого кружка был Н. Н. Новосильцев – ко времени воцарения Александра в 1801 г. ему уже исполнилось 40 лет. Что же касается Александра, его жизненный опыт ограничивался лишь знанием петербургского двора и негативным восприятием царствования сперва бабки, а затем и отца. В беседах с членами кружка Александр восхищался революционной Францией и выражал наивную веру в возможность создания «истинной монархии» путем преобразований сверху. «Молодые друзья» были настроены более скептически, но не разочаровывали великого князя, надеясь извлечь из своего положения определенные выгоды.

Историки много спорили о том, насколько Александр был посвящен в планы заговорщиков против Павла I и, следовательно, насколько он повинен в его гибели. Сохранившиеся косвенные свидетельства указывают на то, что скорее всего Александр надеялся, что Павла удастся убедить отречься от престола в его пользу и, таким образом, переворот будет законным и бескровным. Свершенное убийство Павла поставило молодого императора совсем в иную ситуацию. С его чувствительностью, романтической верой в справедливость и законность он не мог не воспринять происшедшее как трагедию, омрачившую самое начало его царствования. При этом, если бы Александр получил власть законным путем, руки у него были бы в достаточной степени развязаны. Теперь же он оказался в зависимости от тех, кто преступлением добыл ему трон и кто постоянно оказывал на него давление, напоминая о возможности нового переворота. К тому же за спиной у заговорщиков стояла партия старых екатерининских вельмож («екатерининские старики», как их называли) – влиятельная, многочисленная, с сильными семейными связями. Главным для этих людей было сохранение преж-

них порядков, и не случайно в манифесте Александра I о восшествии на престол он обещал «управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великия».

И действительно, первые указы императора подтверждали это обещание. Уже 13-15 марта 1801 г. были изданы повеления о выдаче указов об отставке всем уволенным с военной или гражданской службы без суда; 15 марта была объявлена амнистия политическим заключенным и беглецам, укрывшимся за границей, снят запрет на ввоз различных промышленных товаров; 31 марта – отменен запрет на деятельность частных типографий и ввоз из-за границы книг. Наконец, 2 апреля император огласил в Сенате пять манифестов, восстанавливавших в полном объеме действие жалованных грамот дворянству и городам. Одновременно было объявлено о ликвидации Тайной экспедиции Сената и передаче следствия по политическим делам в учреждения, ведавшие уголовным судопроизводством. Один из манифестов 2 апреля был адресован крестьянам; в нем обещалось не увеличивать налоги и разрешался вывоз сельскохозяйственных продуктов за границу.

Казалось бы, «старикам» должны быть довольны, нереальный смысл манифестов оказался шире простого восстановления екатерининских порядков. Например, изъятие политических дел из непосредственного ведения государя воспринималось в принципе как ограничение его власти. В этом обнаруживалась вторая (не менее существенная, чем первая) цель заговорщиков: создать такую государственную систему, которая законодательно ограничила бы права любого деспота-государя в пользу верхушки аристократии. Контроль за деятельностью монарха, создание механизма, предохраняющего от деспотических тенденций, вполне отвечали и убеждениям Александра, и потому 5 апреля 1801 г. появился указ о создании Непременного совета – законосовещательного органа при государе.

Хотя верховная власть в стране продолжала полностью оставаться в руках государя и за ним сохранялось право издавать законы без согласования с советом, члены совета получали возможность следить за деятельностью монарха и подавать представления, т.е. по существу опротестовывать те действия или указы императора, с которыми они были не согласны. Как верно заметил историк М. М. Сафонов, «реальная же роль Совета в управлении страной должна была определиться в зависимости от того, как на практике сложатся

взаимоотношения членов Совета и монарха» (Сафонов М.М. Указ. соч. С. 82).

Однако помимо взаимоотношений важно было и отношение государя к совету – насколько серьезно он его воспринимал и насколько собирался с ним считаться. Александр, еще не успевший к этому времени в полной мере научиться лукавству, в котором его стали обвинять позднее, собирался выполнить свои обязательства в точности, и, как показало дальнейшее развитие событий, это была его ошибка. Что же касается взаимоотношений с советом, то они, в свою очередь, зависели от состава этого органа власти.

Первоначально совет состоял из 12 человек, преимущественно руководителей важнейших государственных учреждений. Один из мемуаристов вспоминал, как однажды Александр спросил у него, обратил ли он внимание на выражение лиц только что вышедших из его кабинета членов совета А. А. Беклешова и Д. П. Трощинского:

«Не правда ли, что они похожи были на вареных раков? – продолжал император. – Они, без сомнения, по опытности своей, в делах знающие более всех прочих государственных чиновников, но между ними есть зависть; я приметил это, потому что когда один из них объясняет какое-либо дело, кажется, нельзя лучше; лишь только оно коснется для приведения в исполнение до другого, тот совершенно опровергает мнение первого, тоже на самых ясных, кажется, доказательствах. По неопытности моей в делах я находился в большом затруднении... Я приказал, чтобы... они приходили с докладом ко мне оба вместе и позволяю спорить при себе, сколько им угодно, а из сего извлекаю для себя пользу»

(цит. по: Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С.73).

При подобной расстановке сил молодой император мог надеяться найти среди членов совета и сторонников более широких реформ, однако разрабатывать план этих реформ он собирался со своими «молодыми друзьями». Основную цель перемен Александр видел в создании конституции, гарантирующей его подданным права гражданина, аналогичные сформулированным в знаменитой французской «Декларации прав человека и гражданина». Он, однако, соглашался с мнением, что первоначально следует таким образом реформировать систему управления, чтобы гарантировать права собственности.

Между тем, не дожидаясь, когда план реформ будет создан, в мае 1801 г. Александр внес на рассмотрение Непременного совета

проект указа о запрещении продажи крепостных без земли. По мысли императора, этот указ должен был стать первым шагом к ликвидации крепостного права. За ним намечался следующий – разрешение покупки населенных земель недворянам с условием, что живущие на этих землях крестьяне будут становиться вольными. Когда в результате появилось бы некоторое количество вольных крестьян, подобный порядок продажи земли планировалось распространить на дворян. При этом император был достаточно осторожен и не раскрывал всех деталей даже самым близким ему людям, но уже на первом этапе ему пришлось столкнуться с бешеным сопротивлением крепостников.

Не отклонив в принципе предложение императора, что было бы с их стороны попросту невежливо, члены совета, однако, довольно твердо дали ему понять, что принятие подобного указа может вызвать как брожение среди крестьянства, так и серьезное недовольство дворян. Единственным результатом этой его попытки ограничить крепостничество стал запрет печатать объявления о продаже крепостных в газетах, который уже вскоре помещики научились легко обходить.

Важнейшим следствием неудачи Александра в попытке решения крестьянского вопроса было окончательное перенесение подготовки реформ в кружок «молодых друзей», причем он согласился с их мнением, что работа эта должна вестись втайне, дабы не вызвать излишних кривотолков, а главное, крестьянских волнений, постоянно возникавших при распространении слухов об изменении законов. Так был создан Негласный комитет, в который вошли Строганов, Кочубей, Чарторыйский, Новосильцев, а позднее и старый екатерининский вельможа граф А. Р. Воронцов.

Что же касается официального Непременного совета, то реальным итогом первых месяцев его работы стал проект «Всемиловнейшей грамоты, Российской империи народу жалуемой», который предполагалось обнародовать в день коронации императора 15 сентября 1801 г. Грамота должна была вновь подтвердить все привилегии дворянства, мещанства и купечества, означенные в Жалованных грамотах 1785 г., а также общие для всех жителей страны права и гарантии частной собственности, личной безопасности, свободы слова, печати и совести. Специальная статья грамоты гарантировала нерушимость этих прав. Одновременно с этим документом был подготовлен новый проект по крестьянскому вопросу. Согласно проекту вновь (как и при Павле I) запрещалась продажа крестьян

без земли и устанавливался порядок, по которому государство обязывалось выкупать крестьян у помещиков в случае необходимости, а также оговаривались условия, по которым крестьяне могли выкупиться сами.

Третьим проектом, подготовленным к коронации, был проект реорганизации Сената. Документ готовился довольно долго, поэтому существовало несколько его вариантов. Суть всех сводилась, однако, к тому, что Сенат должен был превратиться в орган верховного руководства страной, соединявший исполнительные, судебные, контрольные и законосовещательные функции.

По существу, все три подготовленных к коронации акта в совокупности представляли собой единую программу превращения России в «истинную монархию», о которой мечтал Александр I, однако обсуждение их показало, что единомышленников у царя практически не было. Помимо этого обсуждение проектов затруднялось постоянным соперничеством придворных группировок. В письме к царю Лагарп писал:

«Во имя Вашего народа, государь, сохраните в неприкосновенности возложенную на Вас власть, которой Вы желаете воспользоваться только для его величайшего блага. Не дайте себя сбить с пути из-за того отвращения, которое внушает Вам неограниченная власть. Имейте мужество сохранить ее всецело и нераздельно до того момента, как под Вашим руководством будут завершены необходимые работы и Вы сможете оставить за собой ровно столько власти, сколько необходимо для энергичного правительства»

(цит. по: Сафонов М.М. Указ. соч. С. 163).

Таким образом, люди из ближайшего окружения царя, на кого он возлагал свои надежды, оказались большими монархистами, чем он сам.

Однако несомненным положительным итогом первых месяцев царствования стал приобретенный молодым императором политический опыт. Он смирился с необходимостью царствовать, но и планы реформ не оставил.

По возвращении из Москвы с коронационных торжеств на заседаниях Негласного комитета царь вновь вернулся к крестьянскому вопросу. 12 декабря 1801 г. появился указ, разрешавший недворянам покупать земли, но без крестьян. Таким образом, монополия дворянства на владение землей была нарушена, но столь нечувствительно, что взрыва недовольства можно было не опасаться. Как от-

мечает М. М. Сафонов, это была «первая брешь в корпусе незабываемых дворянских привилегий».

Следующие шаги Александра I были связаны с реорганизацией государственного управления и соответствовали сложившейся в этой сфере практике предшествующих царствований. В сентябре 1802 г. серией указов была создана система из восьми министерств: Военного, Военно-морского, Иностранных дел, Внутренних дел, Коммерции, Финансов, Народного просвещения и Юстиции, а также Государственного казначейства на правах министерства. Министры и главноуправляющие на правах министров образовывали Комитет министров, в котором каждый из них обязывался выносить на обсуждение свои всеподданнейшие доклады императору. Первоначально статус Комитета министров был неопределенным, и лишь в 1812 г. появился соответствующий документ.

Одновременно с созданием министерств была осуществлена и сенатская реформа. Указом о правах Сената он определялся как «верховное место империи», чья власть ограничивалась лишь властью императора. Министры должны были подавать в Сенат ежегодные отчеты, которые тот мог опротестовать перед государем. Именно этот пункт, с восторгом встреченный верхушкой аристократии, уже через несколько месяцев стал причиной конфликта царя с Сенатом, когда была сделана попытка опротестовать доклад военного министра, уже утвержденный императором, причем речь шла об установлении сроков обязательной службы дворян, не выслуживших офицерского чина. Сенат усмотрел в этом нарушение дворянских привилегий. В результате конфликта последовал указ от 21 марта 1803 г., запрещающий Сенату делать представления на вновь изданные законы. Таким образом, Сенат был фактически низведен до прежнего положения. В 1805 г. он был вновь преобразован, на сей раз в чисто судебное учреждение с некоторыми административными функциями. Главным же органом управления стал, по сути, Комитет министров.

Инцидент с Сенатом в значительной мере предопределил дальнейшее развитие событий и планы императора. Превратив Сенат в представительный орган с широкими правами, Александр сделал то, от чего отказался годом раньше. Теперь он убедился, что исключительно дворянское представительство без правовых гарантий другим сословиям становится для него только преградой, добиться чего-либо можно, только сконцентрировав всю власть в своих ру-

ках. По сути, Александр пошел по тому пути, на который с самого начала его толкали «молодые друзья» и старый наставник Лагарп. По-видимому, к этому времени и сам император ощутил вкус власти, ему надоели постоянные поучения и нотации, непрекращающиеся споры его окружения, за которыми легко угадывалась борьба за власть и влияние. Так, в 1803 г. в споре с Г. Р. Державиным, бывшим в это время генерал-прокурором Сената, Александр произнес знаменательные слова, которые едва ли можно было услышать от него раньше: «Ты меня всегда хочешь учить, я самодержавный государь и так хочу» (Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 465).

Начало 1803 г. ознаменовалось и некоторыми сдвигами в решении крестьянского вопроса. На сей раз инициатива исходила из лагеря сановной аристократии от графа С. П. Румянцева, пожелавшего отпустить своих крестьян на волю и просившего установить для этого законный порядок. Обращение графа было использовано как предлог для издания 20 февраля 1803 г. указа о свободных хлебопашцах:

«Указ Его Императорского Величества самодержца всероссийского из Правительствующего Сената.

По именному Его Императорского Величества высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату минувшего февраля в 20-й день за собственноручным его величества подписанием, в котором изображено:

Действительный тайный советник граф Сергей Румянцев, изъявив желание некоторым из крепостных его крестьян при увольнении их утвердить в собственность продажей или на других добровольных условиях участки из принадлежащих ему земель, испрашивал, чтоб условия таковые, добровольно заключаемые, имели то же законное действие и силу, какое прочим крепостным обязательствам присвоено, и чтоб крестьяне, таким образом уволенные, могли оставаться в состоянии свободных земледельцев, не обязываясь входить в другой род жизни.

Находя, с одной стороны, что по силе существующих законов, как то: по манифесту 1775¹ и указу 12 декабря 1801² годов, увольнение крестьян и владение уволенным землею в собственность доз-

¹ Манифест 17 марта 1775 г. разрешал отпущенным на волю крестьянам оставаться свободными и записываться в сословие мещан и купечества.

² Указ от 12 декабря 1801 г. разрешал недворянам покупку земли без крестьян.

волено, а с другой, что утверждение таковое земель в собственность может во многих случаях представить помещикам разные выгоды и иметь полезное действие на ободрение земледелия и других частей государственного хозяйства, мы считаем справедливым и полезным как ему, графу Румянцеву, так и всем, кто из помещиков последовать примеру его пожелает, распоряжение таковое дозволить; а дабы имело оно законную свою силу, находим нужным постановить следующее:

1) Если кто из помещиков пожелает отпустить благоприобретенных или родовых крестьян своих поодиночке или целым селением на волю и вместе с тем утвердить им участок земли или целую дачу, то сделав с ними условия, какие по обоюдному согласию признаются лучшими, имеет представить их при прошении своем через губернского дворянского предводителя к министру внутренних дел для рассмотрения и представления нам; и если последует от нас решение, желанию его согласное, тогда предъявятся сии условия в Гражданской палате и запишутся у крепостных дел со взносом законных пошлин.

2) Таковые условия, сделанные помещиком с его крестьянами и у крепостных дел записанные, сохраняются как крепостные обязательства свято и нерушимо. По смерти помещика законный его наследник или наследники, вступает во все обязанности и права, в сих условиях означенные...

4) Крестьяне и селения, от помещиков по таковым условиям с землю отпускаемые, если не пожелают войти в другие состояния, могут оставаться на собственных их землях земледельцами и сами по себе составляют особенное состояние свободных хлебопашцев.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселе отпускаемы были лично на волю с обязательством избрать род жизни, могут в положенный законами срок вступить в сие состояние свободных земледельцев, если приобретут себе земли в собственность. Сие распространяется и на тех из них, кои находятся уже в других состояниях и перейти в земледельческое пожелают, приемля на себя и все обязанности оного».

(Цит. по: Российское законодательство X-XX вв. М., 1988. Т. 6. С. 32-33).

Комментарий

Начальная часть указа намеренно построена так, чтобы показать, что инициатива издания исходит от дворянства, отвечает его инте-

ресам и не противоречит уже существующему законодательству. Действительно, получивший вольную крестьянин и прежде мог записаться в мещанство и после этого стать владельцем земли, но тогда он переставал быть земледельцем. Указом же 1803 г. фактически создавалась новая социальная категория свободных хлебопашцев, владеющих землей по праву частной собственности (этим они отличались от государственных крестьян). Условия, на которых должно было происходить освобождение, определялись взаимным договором крестьян с помещиком – оно могло быть как бесплатным, так и за выкуп. Отмечая полезность начинания Румянцева, царь пытался поощрить к этому и других помещиков.

Указ о свободных хлебопашцах имел важное идеологическое значение: в нем впервые утверждалась возможность освобождения крестьян с землей за выкуп. Это положение легло затем в основу реформы 1861 г. Одобрив намерения Румянцева, правительство выражало и свое отношение к крестьянской проблеме в целом. По всей видимости, Александр возлагал на указ большие надежды: ежегодно в его канцелярию подавались ведомости о числе крестьян, переведенных в эту категорию. Практическое применение указа должно было показать, насколько в действительности дворянство готово расстаться со своими привилегиями. Результаты обескураживали: по новейшим данным, за все время действия указа было освобождено 111 829 душ мужского пола, т.е. примерно 2% всех крепостных.

Спустя год правительство сделало еще один шаг: 20 февраля 1804 г. появилось «Положение о лифляндских крестьянах». Ситуация с крестьянским вопросом в Прибалтике была несколько иной, чем в России, поскольку продажа крестьян без земли там была запрещена. Новое положение закрепляло статус «дворохозяев» как пожизненных и наследственных арендаторов земли и предоставляло им право выкупить свой участок в собственность. Согласно положению, «дворохозяева» освобождались от рекрутской повинности, а телесному наказанию могли быть подвергнуты лишь по приговору суда. Вскоре основные положения нового закона были распространены и на Эстляндию. Таким образом, в прибалтийской деревне создавался слой зажиточного крестьянства.

В октябре 1804 г. здесь было введено указом еще одно новшество: выходцам из купечества, дослужившимся до чина 8 класса, разрешалось покупать населенные земли и владеть ими на основе до-

говора с крестьянами. Иначе говоря, купленные таким образом крестьяне переставали быть крепостными и становились вольными. Это был как бы усеченный вариант первоначальной программы ликвидации крепостного права. Однако такими полумерами конечная цель не могла быть достигнута. Говоря о попытках решения крестьянского вопроса в первые годы царствования Александра I, следует упомянуть и о том, что в это время прекратилась практика пожалования государственных крестьян помещикам. Правда, около 350 тыс. казенных крестьян были переданы во временную аренду.

Наряду с попытками решить важнейшие вопросы жизни России правительство Александра I осуществило крупные реформы в сфере народного образования. 24 января 1803 г. царь утвердил новое положение об устройстве учебных заведений. Территория России была разделена на шесть учебных округов, в которых создавались четыре разряда учебных заведений: приходские, уездные, губернские училища, а также гимназии и университеты. Предполагалось, что все эти учебные заведения будут пользоваться единообразными учебными программами, а университет в каждом учебном округе – представлять собой высшую ступень образования. Если до этого в России существовал лишь один университет – Московский, основанный в 1755 г., то в 1802 г. был восстановлен Дерптский университет (ныне Тартуский университет в Эстонии), а в 1803 г. – открыт университет на базе существовавшей еще с XVI в. Главной школы Великого княжества Литовского в Вильно (ныне столица Литвы г. Вильнюс). В 1804 г. были основаны Харьковский и Казанский университеты. Тогда же был открыт Педагогический институт в Петербурге, позднее переименованный в Главный педагогический институт, в 1819 г. преобразованный в университет. Помимо этого открывались привилегированные учебные заведения: в 1805 г. – Демидовский лицей в Ярославле, а в 1811 г. – знаменитый Царско-сельский лицей, среди первых воспитанников которого был А.С. Пушкин. Были созданы и специализированные высшие учебные заведения – Московское коммерческое училище (1804 г.), Институт путей сообщения (1810 г.). Таким образом, при Александре I была продолжена и скорректирована начатая Екатериной II работа по созданию системы народного образования. По-прежнему, однако, образование оставалось недоступным для значительной части населения, прежде всего для крестьян. Но продолжение реформы в этой сфере объективно отвечало потребностям общества в грамотных,

квалифицированных специалистах.

Первый этап реформ Александра I окончился в 1803 г., когда стало ясно, что нужно искать новые пути и формы их осуществления. Императору понадобились и новые люди, не так тесно связанные с верхушкой аристократии и безраздельно преданные лишь ему лично. Выбор царя (как оказалось впоследствии, роковой) остановился на А. А. Аракчееве, сыне небогатого и незнатного помещика, в прошлом любимце Павла I, известном своей преданностью «без лестии», что значилось на его гербе.

В царствование Павла Аракчеев был петербургским городским комендантом и занимался в основном вопросами, связанными с реорганизацией армии, ретиво насаждая в ней прусские порядки; однако после 1799 г. попав в опалу, поселился в своем имении. Александр, по-видимому, считал Аракчеева опытным военным организатором (Аракчеев окончил Сухопутный шляхетный и Артиллерийский корпуса – высшие военные учебные заведения того времени) и уж во всяком случае прекрасным исполнителем. А поскольку на первый план в это время выдвинулись проблемы внешнеполитические и Россия начала готовиться к войне с Францией, такой человек, был царю необходим. Вызвав Аракчеева в Петербург, император назначил его инспектором артиллерии, поручив подготовить этот род войск к войне; и он достаточно успешно справился с этой задачей. Постепенно роль Аракчеева становилась все более значительной, он превратился в доверенное лицо императора, а в 1807 г. последовал императорский указ, по которому повеления, объявляемые Аракчеевым, приравнивались к именным императорским указам. Но если основным направлением деятельности Аракчеева было военно-полицейское, то для разработки планов новых реформ нужен был иной человек. Им стал М. М. Сперанский.

Сын сельского священника Сперанский не только, как и Аракчеев, не принадлежал к аристократии, но даже не был дворянином. Он родился в 1771 г. в деревне Черкутино Владимирской губернии, учился сперва во Владимирской, затем в Суздальской и, наконец, в Петербургской семинарии. По окончании ее был оставлен там в качестве преподавателя и лишь в 1797 г. начал свою служебную карьеру в чине титулярного советника в канцелярии генерал-прокурора Сената князя А. Б. Куракина. Карьера эта была в полном смысле слова стремительной: уже через четыре с половиной года Сперанский имел чин действительного статского советника, равный гене-

ральскому званию в армии и дававший право на потомственное дворянство.

В первые годы царствования Александра I Сперанский еще оставался в тени, хотя уже готовил некоторые документы и проекты для членов Негласного комитета, в частности по министерской реформе. После осуществления реформы он был переведен на службу в Министерство внутренних дел. В 1803 г. по поручению императора Сперанский составил «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», в которой проявил себя сторонником конституционной монархии, создаваемой путем постепенного реформирования общества на основе тщательно разработанного плана. Однако практического значения «Записка» не имела. Лишь в 1807 г. после неудачных войн с Францией и подписания Тильзитского мира, в условиях внутривластного кризиса Александр I вновь обратился к планам реформ.

Много лет спустя, в 1834 г., А. С. Пушкин записал в своем дневнике:

«В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. ...Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени».

(цит. по: Пушкин А. С. Указ. соч. Т. VIII. С. 33).

Взгляд Пушкина отражает общее мнение того времени. Но почему именно на Аракчеева и Сперанского пал выбор императора и чем они были для него? Прежде всего – послушными исполнителями воли монарха, который пожелал превратить двух не знатных, но лично преданных ему людей во всемогущих министров, с чьей помощью он надеялся осуществить свои планы. Оба они были, по существу, усердными и старательными чиновниками, не зависимыми в силу своего происхождения от той или иной группировки сановной аристократии. Аракчеев должен был предохранить трон от дворянского заговора, Сперанский – разработать и претворить в жизнь план реформ на основе идей и принципов, подсказанных императором.

Новую роль Сперанский получил не сразу. Сперва, как свидетельствовал он сам, император поручал ему некоторые «частные дела». Уже в 1807 г. Сперанского несколько раз приглашают на обед ко двору, осенью этого года он сопровождает Александра в Витебск на военный смотр, а год спустя – в Эрфурт на встречу с

Наполеоном. Это был уже знак высокого доверия. Впоследствии в письме к Александру Сперанский вспоминал:

«В конце 1808 года, после разных частных дел Ваше величество начали занимать меня постояннее предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей... и нередко удостоивая провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Изю всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования».

(цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. Ч. 2. С. 191).

Таким образом, план реформ, составленный Сперанским в виде обширного документа под названием «Введение к Уложению государственных законов», был как бы изложением мыслей, идей и намерений самого государя. Как верно замечает современный исследователь этой проблемы С. В. Мироненко, «самостоятельно, без санкции царя и его одобрения, Сперанский никогда не решился бы на предложение мер, чрезвычайно радикальных в условиях тогдашней России» (Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 29). Что же это были за меры?

Прежде всего Сперанский настаивал на тождестве исторических судеб России и Европы, тех процессов, которые в них происходили; со времени установления в России самодержавия при Иване Грозном «напряжение общественного разума к свободе политической всегда, более или менее, было приметно». Первые попытки изменить политический строй произошли при вступлении на престол Анны Иоанновны («затейка верховников») и в царствование Екатерины II, когда она созвала Уложенную комиссию. Но «толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания», и в результате лишь «грамоты дворянству и городам остались единственными памятниками великих ее замыслов». Отчего так произошло? Да потому, что «начинания при императрице Анне и Екатерине II, очевидно, были преждевременны». Теперь же время для серьезных перемен настало. Об этом свидетельствует состояние общества, в котором исчезло уважение к чинам и титулам, подорван авторитет власти и «все ме-

ры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия», а «дух народа страждет в беспокойствии». Причина этих явлений не в ухудшении положения народа ибо «все вещи остались в прежнем почти положении», а в том, что царит «выражение пресыщения и скуки от настоящего порядка вещей». Что же делать? Есть два выхода из положения.

Первый состоит в том, чтобы «облечь правление самодержавное всеми... внешними формами закона, оставив в существе ему ту же силу», и тогда «все установления так должны быть соображены, чтобы они в мнении народном казались действующими, но никогда не действовали бы на самом деле». Этот путь ведет к «самовластию», т.е. к деспотизму, который обречен на гибель.

Другой путь в том, чтобы «учредить державную власть на законе не словами, но самим делом». Для этого необходимо осуществить подлинное разделение властей, создав независимые друг от друга законодательную, судебную и исполнительную власти. Законодательная власть осуществляется через систему выборных органов – дум, начиная с волостных и до Государственной думы, без согласия которой самодержец не должен иметь право издавать законы, за исключением тех случаев, когда речь идет о спасении отечества. Государственная дума осуществляет контроль за исполнительной властью – правительством, министры которого ответственны перед ней за свои действия. Отсутствие такой ответственности – главный недостаток министерской реформы 1802 г. За императором остается право распустить думу и назначить новые выборы. Члены губернских дум избирают высший судебный орган страны – Сенат. Вершиной государственной системы является Государственный совет, где «все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и от нее изливаются». Члены Государственного совета назначаются государем, который сам в нем председательствует. В совет входят министры и другие высшие должностные лица.

Не обошел Сперанский и проблему гражданских прав. Он полагал, что ими должно быть наделено все население страны, включая крепостных. К числу таких прав он отнес невозможность наказания кого-либо без решения суда. Однако политическими правами, т.е. правом участия в выборах, предполагалось наделить лишь два первых сословия государства – дворянство и купечество. Право быть избранным в представительные органы ограничивалось иму-

щественным цензом.

Уже из этого ясно, что проект Сперанского не предполагал ликвидации крепостного права. Как бы ни относился к нему сам автор, он не мог не понимать, что, по замечанию историка С. Б. Окуня, «сохранение крепостного права являлось в тот момент исходным положением всякого проекта, рассчитанного не на послеобеденное чтение монарха, а на практическую реализацию» (Окунь С. Б. История СССР. Лекции. 1801-1812 гг. М., 1974. С. 192). Сперанский полагал, что отменить крепостное право единовременным законодательным актом невозможно, но следует создавать условия, при которых помещикам самим станет выгодно отпускать крестьян на волю.

Предложения Сперанского содержали и план поэтапного осуществления реформ. Первым шагом предполагалось учреждение в начале 1810 г. Государственного совета, которому должно было быть поручено обсуждение предварительно составленного «Гражданского уложения», т.е. законов об основных правах сословий, а также финансовой системы государства. Обсудив «Гражданское уложение», совет приступил бы к изучению законов об исполнительной и судебной власти. Все эти документы в совокупности должны были составить к маю 1810 г. «Государственное уложение», т.е. собственно конституцию, после чего можно было бы приступить к выборам депутатов. Таким образом, заключал Сперанский, «если Бог благословит все сии начинания, то к 1811-му году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразится» (Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 144-237).

Реализация плана Сперанского должна была превратить Россию в конституционную монархию, где власть государя была бы ограничена двухпалатным законодательным органом парламентского типа. Некоторые историки полагают даже возможным говорить о переходе к буржуазной монархии, однако, поскольку проект сохранял сословную организацию общества и тем более крепостное право, это неверно.

Претворение плана Сперанского в жизнь началось уже в 1809 г. В апреле и октябре появились указы, по которым, во-первых, прекратилась практика приравнивания придворных званий к гражданским, позволявшая сановникам переходить с придворной службы на высшие должности в государственном аппарате, а во-вторых, вводился обязательный образовательный ценз для гражданских чинов.

Это должно было упорядочить деятельность государственного аппарата, сделать ее более профессиональной.

Как и предполагалось Сперанским, 1 января 1810 г. был создан Государственный совет, заменивший совет Непременный. Деятельность Государственного совета регламентировалась специальными документами, также подготовленными Сперанским. Поскольку создание Государственного совета рассматривалось в качестве первого этапа преобразований и именно он должен был утверждать планы дальнейших реформ, то поначалу этому органу были приданы широкие полномочия, которыми он затем должен был поделиться с Государственной думой. При этом, однако, было установлено, что решения совета входят в силу лишь после их утверждения государем. Вместе с тем если по первоначальному плану Государственный совет должен был координировать деятельность всех других органов власти, то теперь он получал и законосовещательные функции, потому что желаемой системы органов власти попросту еще не было и ее только предстояло создавать.

В соответствии с намеченным уже в первые месяцы 1810 г. состоялось обсуждение проблемы регулирования государственных финансов. Сперанский составил «План финансов», который лег в основу царского манифеста 2 февраля. Основная цель документа заключалась в ликвидации бюджетного дефицита, прекращении выпуска обесценившихся ассигнаций и увеличении налогов, в том числе на дворянские имения. Меры эти дали результат, и уже в следующем году дефицит бюджета сократился, а доходы государства возросли.

Одновременно в течение 1810 г. Государственный совет обсуждал подготовленный Сперанским проект «Уложения гражданских законов» и даже одобрил первые две его части. Однако осуществление следующих этапов реформы затянулось. Лишь летом 1810 г. началось преобразование министерств, завершившееся к июню 1811 г.: было ликвидировано Министерство коммерции, созданы министерства полиции и путей сообщения, а также ряд новых Главных управлений.

В начале 1811 г. Сперанский представил и новый проект реорганизации Сената. Суть этого проекта в значительной мере отличалась от того, что планировалось первоначально. На сей раз Сперанский предлагал разделить Сенат на два – правительствующий и судебный, т.е. разделить его административные и судебные функции. Предполагалось, что члены Судебного сената должны были частич-

но назначаться государем, а частично избираться от дворянства. Но и этот весьма умеренный проект был отвергнут большинством членов Государственного совета, и, хотя царь все равно утвердил его, реализован он так и не был. Что же касается создания Государственной думы, то о ней в 1810-1811 гг. и речи не было. Таким образом, едва ли не с самого начала реформ обнаружилось отступление от первоначального их плана, и не случайно в феврале 1811 г. Сперанский обратился к Александру I с просьбой об отставке.

В чем же причины новой неудачи реформ? Почему, как пишет С.В. Мироненко, «верховная власть оказалась не в состоянии провести коренные реформы, которые явно назрели и необходимость которых была вполне очевидна наиболее дальновидным политикам»? (Мироненко С. В. Указ. соч. С. 32).

Причины, по существу, обнаруживаются те же, что и на предыдущем этапе. Уже само возвышение Сперанского, превращение его -высочки, «поповича» – в первого министра вызывали зависть и злобу в придворных кругах. В 1809 г. после указов, регламентировавших государственную службу, ненависть к Сперанскому еще более усилилась и, по его собственному признанию, он стал объектом насмешек, карикатур и злобных выпадов: ведь подготовленные им указы посягали на давно установившийся и очень удобный для дворянства и чиновничества порядок. Когда же был создан Государственный совет, всеобщее недовольство достигло апогея. В письме к императору Сперанский писал:

«...я слишком часто и на всех почти путях встречаюсь и со страстями, и с самолюбием, и с завистью, а еще более с неразумием. ...Толпа вельмож, со всею их свитою, с женами и детьми, меня, заключенного в моем кабинете, одного, без всяких связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащего к их сословию, целыми родами преследуют как опасного уновителя. Я знаю, что большая их часть и сами не верят сим нелепостям; но, скрывая собственные их страсти под личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именем вражды государственной; я знаю, что те же самые люди превозносили меня и правила мои до небес, когда предполагали, что я во всем с ними буду соглашаться...»

(цит. по: Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991. С.168-169).

А вот другое свидетельство – современника Сперанского Д. П. Рунича:

«Самый недалёковидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут верх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобъемлющее»

(цит. по: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 3).

Высказывание Рунича ясно показывает, до какой степени дворянство боялось любых перемен, справедливо подозревая, что в конечном итоге эти перемены могут привести к ликвидации крепостного права. Даже поэтапный характер реформ и то, что на самом деле они не посягали на главную привилегию дворянства, да и вообще их подробности держались в секрете, не спасли положения. Результатом было всеобщее недовольство; иначе говоря, как и в 1801-1803 гг., Александр I оказался перед опасностью дворянского бунта. Дело осложнялось и внешнеполитическими обстоятельствами – приближалась новая война с Наполеоном.

Возможно, отчаянное сопротивление верхушки дворянства, интриги и доносы на Сперанского (его обвиняли в масонстве, в революционных убеждениях, в том, что он французский шпион, сообщали о всех неосторожных высказываниях в адрес государя) в конечном счете все же не возымели бы действия на императора, если б весной 1811 г. лагерь противников реформ не получил вдруг идейно-теоретического подкрепления совсем с неожиданной стороны. В марте этого года Александр посетил Тверь, где жила его сестра великая княгиня Екатерина Павловна. Здесь, в Твери, вокруг великой княгини, женщины умной и образованной, сложился кружок людей недовольных либерализмом Александра и в особенности деятельностью Сперанского. Среди посетителей салона Екатерины Павловны был и Н. М. Карамзин – замечательный русский историк, читавший здесь первые тома своей «Истории государства Российского». Великая княгиня представила Карамзина государю, и писатель передал ему «Записку о древней и новой России» – своего рода манифест противников перемен, обобщенное выражение взглядов консервативного направления русской общественной мысли.

По мнению Карамзина, самодержавие – единственно возможная для России форма политического устройства. На вопрос, можно ли хоть какими-то способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти, – он отвечал отрицательно. Любые перемены, «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости». Однако, признавал Карамзин, «сделано столько нового, что и старое показалось бы нам теперь опасною новостью: мы уже от него отвыкли, и для славы государя вредно с торжественностью признаваться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неглубокомысленных советников ... надобно искать средств, пригоднейших к настоящему». Спасение же автор видел в традициях и обычаях России и ее народа, которым вовсе не нужно брать пример с Западной Европы и прежде всего Франции. Одна из таких традиционных особенностей России – крепостничество, возникшее как следствие «естественного права». Карамзин спрашивал:

«И будут ли земледельцы счастливы, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным? Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и сторонника».

(цит. по: Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 73).

Как видим, ничего принципиально нового в «Записке» Карамзина не содержалось: многие его аргументы и принципы были известны еще в предшествующем столетии. Неоднократно слышал их, по видимому, и государь. Однако на сей раз эти взгляды были сконцентрированы в одном документе, написанном живо, ярко, убедительно, на основе исторических фактов и (что, может быть, было для императора самым главным) человеком, не близким ко двору, не облеченным властью, которую бы он боялся потерять. Насколько в действительности все это подействовало на Александра неизвестно. С Карамзиным он простился холодно и даже не взял текст «Записки» с собой. Правда, вернувшись в Петербург, в беседе с французским послом он упомянул о том, что познакомился в Твери с очень разумными людьми, но такая оценка еще не означала согласия. Важнее было другое: Александр, конечно, понимал, что непри-

ятие его политики охватило широкие слои общества и голос Карамзина был голосом общественного мнения.

Развязка наступила в марте 1812 г., когда Александр I объявил Сперанскому о прекращении его служебных обязанностей, и тот был сослан в Нижний Новгород. Судя по всему, к этому времени давление на императора усилилось, а получаемые им доносы на Сперанского приобрели такой характер, что было просто невозможно и далее оставлять их без внимания. Александра вынуждали назначить официальное расследование деятельности своего ближайшего сотрудника, и, вероятно, он так бы и поступил, если бы хоть немного поверил наветам. Вместе с тем самоуверенность Сперанского, его неосторожные высказывания, о которых немедленно становилось известно императору, его стремление самостоятельно решать все вопросы, оттесняя государя на второй план, – все это переполнило чашу терпения и послужило причиной отставки и ссылки Сперанского.

Так закончился еще один этап царствования Александра I а вместе с ним и одна из наиболее значительных в русской истории попыток осуществить радикальную государственную реформу. Спустя несколько месяцев после этих событий началась Отечественная война с Наполеоном, завершившаяся изгнанием французов из России, за которым последовали заграничные походы русской армии. Прошло несколько лет, прежде чем проблемы внутренней политики вновь привлекли внимание императора.

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

Международные отношения конца XVIII – начала XIX в. определялись в значительной мере новой ролью Франции. Сразу после революции 1789 г. сложилась ситуация, когда европейские державы, с одной стороны, стремились ограничить распространение революционного влияния, а с другой – надеялись поживиться за счет ослабевшего соперника. Революционная Франция, однако, успешно защищалась и даже перешла в наступление. К 1796 г. стало ясно, что идеи революции могут проникнуть в Европу не только тем путем, каким обычно распространяются идеи, но и с помощью французского оружия. К этому времени войска республики вели успешные действия в Италии, в марте 1796 г. их возглавил генерал Бонапарт. В течение нескольких последующих месяцев он одержал ряд блестящих побед над противостоявшими ему австрийцами, и его имя стало известно всему миру.

В одном из частных писем А. В. Суворов пророчески писал:

«О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудобогатырь, он колдун! Он побеждает и природу и людей... Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему введома неодолимая сила натиска – более не надобно. <...> В действиях свободен он, как воздух, которым дышит; он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей!»

(цит. по: Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 312).

До этого времени Россия практически не вмешивалась в войну, беспрепятственно добиваясь своих целей в Польше и на Востоке, пока у других руки были заняты войной с Францией. Ситуация изменилась, когда французы стали угрожать югу Европы, где у России в связи с ее противостоянием с Турцией были свои интересы. Тогда-то Екатерина II и решила, что пришла пора вмешаться: в декабре 1796 г. русский корпус должен был выступить на помощь Австрии. Этому решению не помешала даже война России с Персией, поводом к которой была защита Грузии. Впрочем, на русско-персидском фронте события развивались успешно: осенью русские войска, заняв побережье Каспийского моря, переправились через реку Аракс и начали угрожать непосредственно Тегерану.

Вмешательство России в дела Центральной Европы было вторым важным фактором, изменившим положение дел на мировой арене. Несмотря на усиление роли России в течение всего XVIII в., русским солдатам если и приходилось до поры сражаться за пределами империи, то лишь на сопредельных землях. Теперь же планировалось отправить их далеко от русских рубежей. Смерть Екатерины и вступление на престол Павла I решительным образом изменили ситуацию: войска из Персии были отозваны, выступление корпуса на помощь австрийцам отложено. И вскоре поверженная Австрия вынуждена была заключить с Францией мир.

Новый российский император хотел начать свою внешнюю политику с чистого листа, активно демонстрируя миролюбие, во всем противопоставляя себя Екатерине. Однако такая политика не решала проблемы по существу, а лишь уводила от решения. Французы не унимались, и столкновение с ними становилось неизбежным. Когда в 1798 г. стало известно о намерении Франции воссоздать самостоятельное польское государство, русские дипломаты активизировали свои усилия по сколачиванию новой антифранцузской коалиции. Вскоре Наполеон захватил Мальту, а Павел в ответ принял на себя обязанности магистра Мальтийского ордена. Наконец, коалиция держав против Франции сложилась. В нее вошли Россия, Англия, Австрия, Неаполитанское королевство и Турция, опасавшаяся похода Наполеона в Египет.

Осенью 1798 – весной 1799 г. объединенная русско-турецкая эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова освободила Ионические острова и остров Корфу, но и французы не теряли времени даром и оккупировали Сардинию и Неаполь. Настала пора выступить в дей-

ствии сухопутным силам. Командующим русско-австрийскими войсками в Италии был назначен Суворов. За первые десять дней военных действий он освободил Ломбардию, а в последующие несколько месяцев и всю Северную Италию. Далее полководец полагал необходимым перенести военные действия на территорию Франции, но это не входило в планы ни Австрии, опасавшейся чрезмерного усиления влияния России в Европе, ни императора Павла, не готового к столь решительным шагам. Военные действия были перенесены в Швейцарию, куда уже был направлен русский корпус под командованием А. М. Римского-Корсакова. Австрийцы же эвакуировали из Швейцарии свои войска, оставив русских один на один со значительно превосходившими их численно французами. Чтобы спасти положение, Суворов совершил знаменитый переход через Альпы, но опоздал: корпус Римского-Корсакова был уже разбит, и Суворову пришлось идти назад. В январе 1800 г. русские войска возвратились домой.

С конца 1799 г. в центре внешнеполитической доктрины России находился проект создания так называемого Северного союза, объединяющего Россию, Англию, Пруссию, Швецию и Данию и направленного против Австрии и Франции. Такой поворот в политике объяснялся возникшими между Австрией и Россией разногласиями по поводу судьбы итальянских княжеств, которые Австрия желала видеть в составе своей империи, а Россия предпочитала, чтобы они оставались самостоятельными. Но не все было гладко и в отношениях России с Англией, которая также не желала усиления влияния России на международной арене и была в особенности недовольна претензиями русских на Мальту. В результате весной 1800 г. в русской внешней политике произошел резкий поворот: Петербург отозвал своих послов из Вены и Лондона и предпринял шаги к сближению с Пруссией и Францией, где 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. Наполеон совершил государственный переворот и стал по сути властелином страны, присвоив себе титул первого консула. Между тем Англия захватила Мальту и дала ясно понять, что возвращать ее не собирается, а Наполеон, наоборот, признал Павла I главой Мальтийского ордена.

Изменение политического режима во Франции вполне отвечало интересам России. В свое время еще Екатерина II писала, что «переворот <во Франции> неизбежен... Переворот этот, без сомнения, должен состоять не в чем ином, как в восстановлении монархиче-

ского правления, которое существует со времени прихода франков» (Сироткин В. Г. Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией? // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 286). Павел I вряд ли знал об этой записке матери, когда инструктировал своего посланника для переговоров с Наполеоном: «Расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула, даже с престолонаследием в его семействе. Такое решение с его стороны я почитаю единственным средством даровать Франции прочное правительство и изменить революционные начала, вооружившие против нее всю Европу» (Окунь С. Б. Указ. соч. С. 118).

Между тем отношения с Англией продолжали обостряться: в октябре 1800 г. Россия объявила об эмбарго на все английские суда и товары в русских портах, а в декабре подписала союзный договор с Пруссией, Швецией и Данией, теперь уже направленный против Англии, что было расценено той как объявление войны. В начале 1801 г. начались русско-французские переговоры, на которых обсуждался план совместных действий против Англии и, в частности, похода в Индию – самую богатую английскую колонию. В исторической литературе встречается утверждение, что идея похода принадлежит французам. Однако, когда переговоры только еще начинались, Павел отдал атаману Войска Донского В.П. Орлову приказ выступить в поход на Индию со стороны Оренбурга. И в марте 1801 г. первые два походных эшелона казаков уже переправились на левый берег Волги. Тогда же Павел подписал указ о формировании армии для совместных действий с армией французского генерала Массены, незадолго перед этим бывшего противником Суворова в Швейцарии.

Переворот в Петербурге 11 марта вновь изменил ситуацию. Следом за отцом Александр решил начать свою внешнюю политику как бы с чистого листа. Поход казаков был остановлен, переговоры с Францией продолжены, одновременно начаты переговоры о восстановлении отношений с Австрией и отменено эмбарго на английские суда и товары. Вскоре с Англией была подписана конвенция о взаимной дружбе, а в сентябре 1801 г. заключено мирное соглашение с Францией. На этом этапе новое русское правительство, чувствуя себя не слишком уверенно, стремилось создать своего рода систему коллективной безопасности, внутри которой все основные державы будут связаны между собой взаимными договорами. Действительно, в марте 1802 г. Англия и Франция подписали мирный

договор, но сохранялся он недолго: через год война разгорелась с новой силой.

Краткий обзор внешнеполитических событий конца XVIII – начала XIX в. свидетельствует о том, что, как и при Екатерине II, Россия в этот период всячески стремилась к усилению своей роли и влияния в международных делах. Играя на противоречиях между европейскими державами, русское правительство шло на заключение многочисленных кратковременных соглашений, лишь бы обеспечить себе свободу рук, а при благоприятном стечении обстоятельств – и помощь в обеспечении имперских интересов и на Западе, и на Востоке.

Так, уже в 1803 г. мир с Францией стал невыгоден, и в Петербурге лишь ждали повода для его разрыва. Повод представился весной 1804 г., когда по приказу Наполеона в Бадене был захвачен, вывезен во Францию и там расстрелян член французской королевской семьи герцог Энгиенский. Из всех европейских стран Россия отреагировала на это событие особенно остро. В Париж была послана нота с требованием обеспечить безопасность германских государств, на что был получен ответ, содержащий недвусмысленный намек на убийство Павла I. Как показали дальнейшие события, это было ошибкой Наполеона, ибо Александр I счел упоминание о трагедии оскорблением, которого так никогда и не простил. В мае 1804 г. русский посол был отозван из Франции и началась подготовка к новой войне. Но потребовалось еще около года, прежде чем очередная коалиция в составе Англии, России, Швеции и Австрии смогла приступить к реальным действиям.

Между тем в 1804 г. началась новая война России с Персией, вызванная наступательной политикой России на Кавказе. Хотя Павел I в 1796 г. и вернул русские войска из похода в Индию, это вовсе не означало отказа от возможных территориальных приобретений. В самом начале 1801 г. завершился процесс вхождения в состав Российской империи Картлийско-Кахетинского царства, что было официально подтверждено Александром I. В 1803 и 1804 гг. вассалами России признали себя Мингрелия и Имеретия, а позднее – в 1810-1811 гг. – произошло присоединение Абхазии и Гурии. Проникновение России в Закавказье неминуемо должно было столкнуть ее с Персией и Турцией. Начав войну с Персией, Россия присоединила к себе ряд ханств, в том числе Бакинское, Кубинское, Дербентское, Ганджийское и др. Эти успехи были закреплены за-

ключенным с Персией Гюлистанским миром в 1813 г. В 1806 г. началась очередная русско-турецкая война, завершившаяся лишь в 1812 г. подписанием Бухарестского мира, по которому Россия сохранила свои завоевания в Азии.

Кампания 1805 г. против Наполеона, провозглашенного в 1804 г. императором Франции, окончилась неудачей. Французы разгромили австрийцев раньше, чем русские войска успели вступить в боевые действия. И, чтобы избежать окружения, русским не осталось ничего иного, как отступить. Наполеон, устав преследовать русскую армию под командованием М. И. Кутузова, наносившую при отступлении чувствительные контрудары французам, готов был заключить мир. Эта готовность была расценена Александром I и его окружением как слабость и боязнь генерального сражения. Императору России военная удача была крайне необходима для укрепления своего авторитета как внутри страны, так и в Европе. Влияло на позицию государя и честолюбивое стремление показать личный полководческий талант, осуществив мечту отца и деда.

Далее события развивались так: в лагерь Наполеона был отправлен для переговоров генерал-адъютант Александра князь П. П. Долгоруков, которого император французов встретил словами: «Зачем мы ведем войну, какие существуют могущественные причины, заставляющие Францию и Россию драться друг с другом?» Наполеон предлагал России Валахию, соглашался сохранить независимость Швейцарии и Голландии и даже выплатить компенсацию королю Сардинии, на чем давно настаивала Россия. Однако Долгоруков потребовал возвратить все завоевания Франции и вернуться к ее прежним границам:

«Как, и Брюссель я тоже должен отдать?» – тихо спросил Наполеон. Тот подтвердил. «Но, милостивый государь, – все так же тихо продолжал Наполеон, – мы с вами беседуем в Моравии, а для того чтобы требовать Брюссель, вам надо добраться до высот Монмартра». Впоследствии Наполеон вспоминал, что Долгоруков говорил с ним, «как с русским боярином, ссылаемым в Сибирь».

(цит. по: Окунь С. Б. Указ. соч. С. 168; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 469).

Следствием такой самонадеянности и заносчивости высшего руководства России стала катастрофа в ноябре 1805 г. под Аустерлицем, где объединенные русская и австрийская армия потерпели сокрушительное поражение, стоившее жизни почти 27 тыс. чело-

век. Австрия немедленно подписала с Наполеоном мир, обязуясь добиться вывода с ее территории русских войск. В июне 1806 г. мирный трактат был подписан и между Францией и Россией, но Александр I отказался его ратифицировать, в ноябре того же года объявив о начале новой войны. Теперь Россия рассчитывала на союз с Пруссией. При этом русское правительство не смутило даже два серьезных поражения, которые Пруссия потерпела еще до опубликования манифеста о начале войны.

На сей раз театр военных действий был перенесен в Восточную Пруссию. Здесь в январе 1807 г. в районе Прейсиш-Эйлау состоялось сражение, измотавшее обе армии и заставившее их на несколько месяцев отказаться от активных боевых действий. И вновь Наполеон предлагал мир, который был отвергнут. Весной война возобновилась, а уже в мае под Фридландом французы нанесли русской армии решающее поражение. Неделю спустя было подписано временное перемирие, а в июне 1807 г. в Тильзите состоялось свидание Наполеона и Александра I.

Встреча двух императоров в Тильзите (ныне г. Советск Калининградской области), двухнедельные переговоры между ними и подписанные в результате документы сыграли важнейшую роль в европейской истории начала XIX в. Вот как вспоминал о первом свидании Александра с Наполеоном Д. В. Давыдов, впоследствии один из героев войны 1812 г.:

«Я не спускал глаз с государя. Мне казалось, что он прикрывал искусственным спокойствием и даже иногда веселостию духа чувства, его обуревавшие и невольно высказывавшиеся в ангельском его взгляде и на открытом, высоком челе его. И как могло быть иначе? Дело шло о свидании с величайшим полководцем, политиком, законодателем и администратором, пылавшим лучами ослепительного ореола, дивной, почти баснословной жизни, с завоевателем, в течение двух только лет, всей Европы, два раза поразившим нашу армию и стоявшим на границе России. Дело шло о свидании с человеком, обладавшим увлекательнейшим даром искушения и, вместе с тем, одаренным необыкновенной проницательностью в глубину характеров, чувств и мыслей своих противников. Дело шло не об одном свидании с ним, а, посредством этого свидания, об очаровании очарователя, об искушении искушителя, о введении в заблуждение светлого и положительного гениального его разума»

(цит. по: Давыдов Д. В. Соч. М., 1962. С. 244-245).

Результаты переговоров в Тильзите превзошли ожидания. Россия надеялась выговорить сохранение собственной независимости, невмешательство Франции в русско-турецкие отношения и сохранение Пруссии как политической единицы. Наполеон же, еще в 1800 г. заявлявший, что только Россия может быть союзницей Франции, добивался заключения именно союзного договора. В результате Франция уступила в вопросе о Пруссии, которая была сохранена в качестве самостоятельного королевства, причем подчеркивалось, что сделано это лишь из уважения к просьбам русского императора. Правда, на территории Пруссии вплоть до выплаты ею контрибуции, размер которой не оговаривался, оставались французские войска. От Пруссии отторгались принадлежавшие ей польские области, на которых было создано самостоятельное герцогство Варшавское, а Белостокская область перешла к России. Франция становилась посредником в урегулировании русско-турецкого конфликта, но Россия обязывалась освободить оккупированные ею Молдавию и Валахию. В свою очередь, Россия становилась посредником между Францией и Англией. Но секретным соглашением, которым был дополнен мирный договор, предусматривалось, что в случае отказа Англии Россия должна была прервать с ней дипломатические отношения и присоединиться к объявленной Францией континентальной блокаде. Понятно, что ни о какой самостоятельности Голландии и Швейцарии после Аустерлица речи уже не было, ведь под вопросом была независимость самой России.

По существу, и Александр I и Наполеон путем взаимных уступок добились в Тильзите поставленных целей, хотя уступки с российской стороны были несомненно значительнее, что, впрочем, вполне естественно, поскольку Франция выступала на переговорах в роли победительницы. Создание самостоятельного польского государства, уход с территорий, отвоеванных у Турции, наконец, обязательство порвать с Англией – все это противоречило имперским интересам России в понимании ее тогдашнего правительства. Очевидно, что если бы на протяжении нескольких лет внешнеполитическая доктрина России не строилась бы исключительно на конфронтации с Францией и союз с ней был бы заключен еще в 1801 г., условия его могли быть гораздо более выгодными для России. Иным было бы положение, откажись Россия вовсе от вмешательства в дела Центральной Европы.

«У России не было реальных поводов для участия в наполеоновских войнах. Европейская драка ее не касалась, а у Наполеона не было причин завоевывать Россию. Веди она себя спокойно, занимайся собственными делами, никто бы ее пальцем не тронул»

(цит. по: Ульянов Н. И. Александр I – император, актер, человек // Родина. 1993. №1. С. 144).

Однако в 1807 г., несмотря на все изъявления любви и дружбы и даже, возможно, на действительно возникшую между двумя императорами симпатию, подписанный трактат отражал, по выражению С. Б. Окуня, «как непримиримость интересов обоих государств, так и обоюдную необходимость временного примирения». Новое столкновение в будущем становилось неизбежным. Результаты Тильзитского мира по-разному оценивались современниками и историками. Так, уже упомянутый Д. В. Давыдов писал:

«Необходимо было отвлечь силы, внимание и деятельность Наполеона на какое-либо предприятие, которое по отдаленности своей могло бы дать время Европе хотя сколько-нибудь освободиться от загромоздивших ее развалин; России – приготовить средства для отпора покушений на независимость ее, рано или поздно государем предвиденных. Вот что волновало мысли и душу Александра, и вот что им достигнуто было вопреки мнения света, всегда обвораживающегося наружностью»

(цит. по: Давыдов Д. В. Указ. соч. С. 245).

Под отдаленным предприятием Давыдов, очевидно, имел в виду войну с Англией. Что же касается покушений на независимость России, то будь у Наполеона в 1807 г. подобные планы, его поведение с российским императором в Тильзите было бы иным. Относительно же «мнения света» мемуарист не ошибся: действительно, в русских придворных и военных кругах заключенный в Тильзите союз рассматривался как событие еще более постыдное, чем поражения под Аустерлицем и Фридрихсгофом.

Аналогично трактовалось это событие и большинством историков. Однако в нашей историографии последних лет, после публикации комплекса документов по тильзитским переговорам, сложилась точка зрения, согласно которой Тильзит был успехом русской дипломатии и лично Александра I. Так, известный историк А. З. Манфред полагает даже, что «среди монархов династии Романовых... Александр I был, по-видимому, самым умным и умелым политиком. И среди монархов начала девятнадцатого столетия он тоже

был, вероятно, наиболее современным, во всяком случае более ловким и умным политиком, чем Фридрих Вильгельм прусский или австрийский император Франц» (Манфред А. З. Указ. соч. С. 513).

Подобная точка зрения проникла и в современную западную историографию России.

Вопрос о значении тильзитских соглашений может быть решен лишь с учетом дальнейшего развития событий, того, как обе стороны сумели воспользоваться компромиссами. Уже в начале 1808 г. (к этому времени Россия присоединилась к континентальной блокаде Англии) Наполеон предложил совместный поход в Индию, подобный тому, какой намечен при Павле I. Одновременно обсуждался вопрос о разделе Оттоманской империи. России были обещаны Дунайские провинции и северная Болгария, Франция претендовала на Албанию и Грецию. Камнем преткновения стала, однако, судьба Константинополя и черноморских проливов, и достичь соглашения по этому вопросу не удалось.

Между тем в захваченной Наполеоном Испании вспыхнуло народное восстание и 23 июля армия генерала Дюпона, окруженная повстанцами, вынуждена была капитулировать. В результате союз с Россией стал для Франции еще более ценным, а Александр I – менее сговорчивым. Перед новой встречей императоров в Эрфурте в сентябре 1808 г. Наполеон подписал приказ о выводе французских войск из Пруссии, а на самой встрече признал права России на владение Валахией и Финляндией, незадолго перед тем занятой русскими войсками. В свою очередь Александр признал право Франции на Испанию. Наполеон обязался не вмешиваться в русско-турецкую войну и выступить на стороне России, если Турции станет помогать Австрия. Если же Австрия начала бы войну с Францией, то на помощь должна была прийти Россия. За эту помощь Наполеон обещал отдать России Галицию. В марте 1809 г. Австрия действительно объявила Франции войну, но Александр не спешил выполнить свои обязательства, а Наполеон справился и без него, уже в конце апреля заняв Вену. В июне с Австрией было покончено. Входившие в ее состав польские земли отошли к герцогству Варшавскому, а Тарнопольская область – к России.

Казалось бы, отношения союзников складывались к взаимному удовольствию. Наполеон не помышлял о разрыве союза и, как пишет его биограф А. З. Манфред, «ценил его чрезвычайно высоко,

считал важнейшим своим достижением предыдущих лет и возлагал на него и в будущем большие надежды». Тем не менее начиная с 1809 г. отношения между Россией и Францией стали портиться.

Разобраться в причинах событий 1809-1812 гг., приведших к войне Франции с Россией, непросто. Нет сомнений, однако, что одним из важнейших факторов было общественное мнение в России, осуждавшее франко-русский союз и настоятельно требовавшее реванша. Аустерлиц и Фридланд больно ударили по национальному самолюбию страны, со времен Петра I забывшей о том, что такое военное поражение. Сказывалось отношение к Наполеону как к разрушителю старинных европейских монархий, «похитителю тронов» и даже «антихристу». Сам по себе союз с Францией был новым для русской внешней политики, традиционно ориентированной на Австрию и Пруссию, с королевскими домами которых Романовы были связаны и родственными узами. Внутри страны все реформистские начинания Александра были заранее обречены на неудачу, поскольку правительство не имело кредита доверия, любое преобразование воспринималось как французское влияние, уже поэтому вредное и ненужное России. Сказывалось и отрицательное воздействие на торговлю вынужденного присоединения к континентальной блокаде, от чего страдало, в частности, и дворянство, промышленявшее экспортом в Англию и ее владения леса, хлеба и других товаров.

Было бы неверным представлять, что роль России сводилась к политике сдерживания агрессивных планов Наполеона. Ее собственные внешнеполитические установки того времени носили не менее агрессивный характер. Не был забыт «греческий проект» и связанные с ним планы захвата Константинополя, создания на Балканах своего рода «славянской империи». Никак не устраивало Россию и существование самостоятельного польского государства, в связи с чем присоединение герцогства Варшавского к России становилось важной внешнеполитической целью. Не забудем, что в эти годы Россия аннексировала Финляндию и вела борьбу за Бессарабию, которую окончательно получила по Бухарестскому миру 1812 г. Влияние России на Балканах по этому договору также значительно усиливалось. Но на всех этих направлениях у Наполеона были свои интересы, в том числе и виды на Константинополь; он собирался поступаться независимостью Польши и надеялся исполь-

зывать союз с Россией прежде всего для борьбы с Англией. Таким образом, Франция и Россия становились соперниками в борьбе за мировое господство.

Помимо факторов объективных существовали еще и субъективные. Так, некоторые историки обращают внимание на неудачный выбор послов, которыми стороны обменялись после Тильзита: русский посол граф П. А. Толстой был противником франко-русского союза, а французский генерал Савари был более военным, чем дипломатом, и не сумел завоевать симпатий петербургского общества. Некоторые действия Александра I нередко объясняют его личной неприязнью и даже ненавистью к Наполеону, возникшей, возможно, опять же под влиянием общественного мнения, твердившего, что император французов в Тильзите обвел русского императора вокруг пальца. В свою очередь, Наполеон был оскорблен отказом в 1810 г. выдать за него замуж сестру царя великую княгиню Анну Павловну. В результате он отклонил ратификацию подписанной в январе того же года русско-французской конвенции о судьбе Польши, которая могла бы разрядить обстановку.

В конце 1810 г. русское правительство опубликовало положение о нейтральной торговле, фактически открывавшее путь беспрепятственной контрабанде товаров из Англии, а также новый таможенный тариф на предметы роскоши и другие готовые товары, что немедленно и самым отрицательным разом сказалось на русско-французской торговле. По сути, нововведения шли вразрез с тильзитскими соглашениями. Со своей стороны Наполеон присоединил к Франции герцогство Ольденбургское, лежавшее в сфере российских интересов и еще в начале екатерининского царствования выменянное у Дании за Шлезвиг. Получив отказ из Петербурга, он женился на Марии Луизе, дочери австрийского императора Франца, что никак не могло понравиться России из-за столкновения интересов с Австрией на Балканах и в Молдавии. С этого времени обе стороны стали активно готовиться к неумолимо надвигавшейся войне.

Следует заметить, что если во Франции практически никто не хотел войны с Россией и ближайшие советники Наполеона предупреждали ее ужасные последствия для страны, то в России реваншистские настроения были очень сильны. В августе 1811 г. на дипломатическом приеме в Париже, обратившись к русскому послу А.Б. Куракину, Наполеон сказал:

«"Я не хочу войны, я не хочу восстановить Польшу, но вы сами хотите присоединения к России герцогства Варшавского и Данцига... Пока секретные намерения вашего двора не станут открытыми, я не перестану увеличивать армию, стоящую в Германии!" <...> После этой сцены уже никто в Европе не сомневался в близкой войне»
(цит. по: Тарле Е. В. Наполеон. М., 1942. С. 204-205).

Накануне начала войны Франция заключила союзы с Австрией и Пруссией, а Россия подписала мир с Турцией и союз со Швецией. Вскоре русский посол был отозван из Парижа, а 10 июня 1812 г. французский посол в Петербурге Ж.-А. Лористон подал ноту с уведомлением о прекращении своей миссии, поскольку «просьба кн. Куракина о выдаче ему паспортов означала разрыв, и его императорское и королевское величество с этого времени считает себя в состоянии войны с Россией»

(цит. по: Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1962. Т. 6. С. 756).

Два дня спустя французские войска переправились через Неман и вторглись на территорию Российской империи.

Каковы же были расстановка сил, планы и намерения сторон в начале кампании? По этому поводу в литературе встречаются весьма противоречивые сведения и суждения. Так, некоторые историки утверждают, что Наполеон собирался расчленив Россию, отторгнув от нее ряд территорий и передав их Австрии и герцогству Варшавскому. Другие полагают, что он рассчитывал одним ударом расправиться с русской армией в генеральном сражении, подобном Аустерлицу, после чего заключить мир, превратив Россию в своего «послушного вассала» (Е. В. Тарле). Приводятся слова Наполеона о намерении вести войну в течение трех лет с захватом Москвы в 1813, а Петербурга в 1814 г., а также его крылатая фраза о том, что Москва – это сердце России, которое он намерен поразить. С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой Наполеон с самого начала надеялся достичь с Россией компромисса и не собирався вторгаться далеко в глубь российской территории.

Анализ свидетельств разного рода, а также собственно действия Наполеона после начала войны указывают, что скорее всего прав был А. З. Манфред, писавший, что «Наполеон с величайшей тщательностью подготавливая огромную, могущественную, казалось бы, неотразимую, армию вторжения, внимательнейшим образом

продумав дислокацию корпусов отдельных частей громадной военной машины, странным образом не имел столь же отработанного и ясного для него самого плана последующих военных действий» (Манфред А. З. Указ. соч. С. 630).

Во Франции ожидали, что Россия первая начнет военные действия, вторгшись на территорию Польши. Не случайно в обращении к армии Наполеон писал: «Солдаты! Вторая польская война началась!» Действительно, повеление готовиться к походу было отдано Александром I еще в октябре 1811 г., но планы царя нарушил отказ Пруссии от союза с Россией и заключение союза с Францией. Таким образом, Наполеон мог полагать, что наносит России упреждающий удар, который сам по себе будет столь силен, что Александр вынужденно запросит мира. Но он просчитался. У России в отличие от Франции был заранее разработанный и утвержденный императором план военных действий на случай войны, рассчитанный на борьбу до победы.

Историкам в настоящее время известно несколько десятков проектов, составлявшихся в русских военных кругах в период подготовки к войне, однако, по мнению большинства, в конечном счете императором был принят план военного министра М. Б. Барклая де Толли. В основу этого плана была положена идея о необходимости, уклоняясь как можно дольше от генерального сражения, заманить французскую армию в глубь российской территории. Это привело бы к растягиванию французских коммуникаций, распылению сил огромной армии на большой территории и удалению основной массы войск от продовольственных баз. Подобное решение было подсказано прежде всего действиями самого Наполеона, который во всех своих войнах стремился как можно скорее разгромить противника в генеральном сражении. В пользу такого решения свидетельствовал и опыт кампании 1805 г., осуществлявшейся Кутузовым, но сорванной по вине Александра. В 1807 г. Барклай де Толли в беседе с немецким историком Б. Нибуром заявил: «Если бы мне довелось воевать против Наполеона в звании главнокомандующего, то я избегал бы генерального сражения и отступал бы до тех пор, пока французы не нашли бы вместо решительной победы другую Полтаву» (цит. по: Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Л., 1978. Ч. 2. С. 13).

Подобные же идеи высказывали в это время и некоторые другие военные и государственные деятели. Однако сам план русского ко-

мандования, разработанный к весне 1812 г., держался в такой строгой тайне, что в него не были посвящены даже крупнейшие военачальники. Остается лишь удивляться, что основная идея этого плана не была разгадана Наполеоном, и он фактически дал заманить себя в ловушку. Впрочем, столь же распространенной была в России и идея контрнаступления, и еще за месяц до начала войны Наполеон полагал, что, как только он форсирует Неман, русские войска вторгнутся на территорию Польши, дойдут до Варшавы, где и будут окружены и разбиты.

Невиданная по мощи армия Наполеона, подготовленная к вторжению в Россию, насчитывала свыше 600 тыс. человек, из которых непосредственно в начале войны принимали участие около 450 тыс. Русская армия насчитывала в это время 320 тыс. человек, из которых на западной границе было сосредоточено около 220 тыс. Слабой стороной наполеоновской армии было то, что в значительной степени она состояла из иностранных соединений, набранных в разных странах Европы. В собственно же французских полках было много новобранцев, поскольку одновременно Наполеон вел войну с Испанией, и там ему приходилось держать 300-тысячную армию. В техническом отношении противники были примерно равны: французы обладали лучшим стрелковым и холодным оружием, русская же артиллерия, модернизированная под руководством А.А. Аракчеева, превосходила французскую.

К началу войны на западной границе России были расположены три армии. Самая крупная из них (1-я) под командованием М.Б. Барклая де Толли прикрывала фронт длиной примерно 200 км с центром в Вильно и насчитывала около 120 тыс. человек; 2-я армия под командованием князя П. И. Багратиона занимала фронт менее 100 км между Неманом и Бугом, в ней насчитывалось примерно 40 тыс. человек. Такой же по численности была и армия под командованием А. П. Тормасова, расположенная в Полесье. Историки нередко обращают внимание на слабость русской позиции, на значительную растянутость фронта за счет незакрытых пространств между армиями. Объясняется это, однако, тем, что русское командование получило достоверные сведения о направлении первого удара французов на Вильно лишь в начале июня 1812 г. Узнав об этом, Барклай предпринял попытку передислоцировать 2-ю армию ближе к 1-й, но было уже поздно. Все же тот факт, что на направлении главного удара французов оказалась самая мощная из русских ар-

мий, говорит о правильности стратегических расчетов русского командования.

После перехода французских войск через Неман Барклай начал отступление, тем самым сразу нарушив планы противника, надеявшегося быстро окружить русскую армию и разбить ее в одном сражении. Приказ об отступлении был дан и 2-й армии с таким расчетом, чтобы, отступая, обе армии соединились. Отступление при этом велось с арьергардными боями, которые сильно изматывали противника. Причем Наполеон и его маршалы нередко принимали такие заградительные бои, прикрывавшие отход основных сил, за начало генерального сражения.

Через четыре дня после начала войны, 16 июня, Наполеон занял Вильно, где задержался на 18 суток. Некоторые историки склонны видеть в этом желание императора уже в самом начале кампании заключить мир. В качестве доказательства приводится, в частности, тот факт, что вопреки всем ожиданиям Наполеон не объявил о воссоединении Литвы с Польшей, а создал на территории Литвы и Белоруссии отдельное государство со своим правительством и необходимыми атрибутами государственности. Другие историки считают задержку Наполеона в Вильно его серьезнейшей ошибкой, поскольку было потеряно драгоценное время. Надо, однако, принять во внимание, что, находясь в Вильно, Наполеон вынужден был дожидаться подхода группировок своей армии, переправа которых через Неман задерживалась из-за бездорожья, падежа лошадей и т.д. «Уже в Вильне Наполеон стал гораздо больше, чем при переходе через границу... понимать особенности и трудности затеянного дела» (Тарле Е. В. Указ. соч. С. 215). Таким образом, с первых дней войны действия русской армии нарушили стратегические замыслы французов и фактически заставили их действовать по плану, навязанному русским командованием.

«С этого момента началась погоня за миражом, за исчезающей каждый день надеждой заставить основные силы русских дать генеральное сражение. Наполеон вынужден был продолжать наступление, которое с каждым днем становилось все более рискованным и в конечном итоге обернулось катастрофой»

(цит. по: Соколов О. Погоня за миражом // Родина. 1992. № 6-7. С. 21).

Между тем армии Барклая и Багратиона планомерно отходили в направлении Смоленска, куда 1-я армия прибыла 19 июля, а 2-я три

дня спустя. Собранные в Смоленске русские силы насчитывали к этому моменту около 120 тыс. человек, т.е. более 40 тыс. было потеряно убитыми, ранеными, больными, отставшими, дезертировавшими. Однако потери французов были больше. По некоторым данным, даже соединения, не участвовавшие в боях, в движении к Смоленску потеряли до 48% своего личного состава. Армия, приведенная Наполеоном к Смоленску, насчитывала около 180 тыс. человек.

К моменту объединения 1-й и 2-й русских армий под Смоленском значительно усилились разногласия в русском военном руководстве. Во-первых, сказывалось отсутствие единоначалия. Вопреки встречающимся в литературе утверждениям, Барклай де Толли, хотя и занимал пост военного министра, не являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами и формально имел в своем подчинении лишь 1-ю армию. Александр I медлил с назначением главнокомандующего. Условия соблюдения секретности не позволяли Барклаю указать, что он действует по плану, утвержденному царем. Александр же, в свою очередь, тоже молчал, видя, что отступление вызывает осуждение в обществе. Во-вторых, сложность ситуации обуславливалась самой личностью Барклая и его взаимоотношениями с другими генералами и влиятельным петербургским высшим светом.

Михаил Богданович Барклай де Толли принадлежал к мелкому дворянскому роду выходцев из Шотландии, еще в XVII в. поселившихся в Риге. Он был участником русско-турецкой войны 1787-1791 гг., штурма Очакова, взятия Аккермана и Бендер, сражался против польских конфедератов и против французов в кампании 1805-1807 гг., успешно командовал корпусом во время русско-шведской войны 1808-1809 гг., за что получил звание генерала от инфантерии и был назначен генерал-губернатором Финляндии. В 1810 г. Барклай становится военным министром. Его деятельность на этом посту способствовала значительному укреплению и увеличению боеспособности русской армии. Однако для «придворной камарильи» Барклай оставался чужаком, человеком без связей и покровителей, таким же выдвигенцем Александра I, как Аракчеев и Сперанский. Сравнительно быстрая карьера Барклая вызывала раздражение и зависть среди генералитета. Наиболее активными противниками его были такие влиятельные генералы, как П. И. Баграцион и А. П. Ермолов, пользовавшиеся в обществе большой популярностью и имевшие крепкие связи при дворе. Положение усугуб-

лялось тем, что Багратион, как и некоторые другие генералы, оказавшиеся под началом Барклая, был старше его службой, т.е. служил в армии дольше и, следовательно, по нормам того времени имел больше прав на занятие командной должности.

Накопившиеся разногласия со всей очевидностью проявились на собранном Барклаем в Смоленске военном совете. Практически все участвовавшие в нем генералы, среди которых был и брат царя великий князь Константин Павлович, сказались за сражение, в то время как Барклай не считал возможным рисковать судьбой армии, численно явно уступавшей противнику. К тому же и сам Александр I в это время начал также высказываться за прекращение отступления. В результате родился своего рода компромисс: русская армия не перешла в наступление, но и не отступила. Решено было не отдавать Смоленск без боя, но вести его оборону ограниченными силами. 2 августа дивизия генерала Д. П. Неверовского ценой потери пяти шестых своего состава задержала наступление французов у села Красное, дав возможность русскому командованию сконцентрировать силы. 4 августа французы атаковали Смоленск, и под его стенами развернулось ожесточенное сражение, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. Битва продолжалась и весь следующий день. Вот как описывает это сражение его участник Ф.Н. Глинка:

«5 числа с ранней зари до позднего вечера, 12 часов, продолжалось сражение под стенами, на стенах и за стенами Смоленска. Русские не уступали ни на шаг; дрались как львы. Французы, лучше сказать, поляки¹, в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборством наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью... Тучи бомб, гранат и чиненых ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. – И дома, церкви и башни обнялись пламенем – и все, что может гореть, – запылало!.. Опламенные окрестности, густой, разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, упавший на колени с воздетыми к небу руками: вот, что представлялось

¹ В штурме Смоленска принимал участие польский корпус Ю. Понятовского, сражавшийся в составе наполеоновской армии.

нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву»

(цит. по: Глинка Ф. Н. Сочинения. М., 1986. С. 228).

В ночь с 5 на 6 августа Барклай отдал войскам приказ об оставлении Смоленска, под стенами которого русская армия потеряла до 6 тыс. человек. Потери Наполеона были еще больше, и он решил предпринять обходной маневр для окружения русских. Приказ Барклая должен был предотвратить окружение. 6 августа Наполеон вошел в Смоленск и вновь, как прежде в Вильно, перед ним встала дилемма – прекратить кампанию и добиваться заключения перемирия или продолжать поход. Однако настроение русской армии, отчаянная борьба солдат за каждый километр своей земли, нараставшее партизанское движение в тылу французских войск – все это говорило о том, что надежды на мир быть не может. Невозможно было и оставаться в почти уничтоженном огнем Смоленске, не зная при этом о местонахождении отступившей русской армии. И Наполеон продолжил наступление. Между тем в русском командовании произошли перемены: 8 августа Александр I назначил главнокомандующим М. И. Кутузова.

Как уже говорилось, отступательные маневры Барклая вызывали большое недовольство и в самой армии, и вообще в русском обществе; Барклая несправедливо обвиняли в предательстве, трусости, отсутствии какого-либо плана действий. С раздражением воспринимали холодность и сдержанность полководца, которые трактовали как равнодушие, акцент в его речи, нерусское имя. Вдобавок ко всему этому Барклай для придворных кругов был одним из символов либеральных увлечений императора, и уже поэтому свалить его представлялось очень заманчивым. В армии большей популярностью пользовался Багратион, окружение которого немало интриговало в его пользу. В этой ситуации поведение Александра I было весьма характерным: фактически он пожертвовал Барклаем в угоду общественному мнению так же, как прежде пожертвовал Сперанским. Передавая командование Кутузову, Барклай писал государю:

«Не намерен я теперь, когда наступают решительные минуты, распространяться о действиях армии, которая была мне вверена. Успех докажет, мог ли я сделать что-либо лучшее для спасения Государства? Если бы я руководим был слепым, безумным честолю-

бием, то, может быть, Ваше Императорское Величество изволили бы получать донесения о сражениях, и не взирая на то, неприятель находился бы под стенами Москвы, не встретя достаточных сил, которые бы были в состоянии ему сопротивляться»

(цит. по: Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 181-182).

Показательно, что и после передачи командования Кутузову Барклай оставался командующим 1-й армией, в качестве которого принял участие в Бородинском сражении. Один из биографов Барклая писал:

«...Среди ужасов и смерти удивлял всех своим хладнокровием, присутствием духа... лично вел войска, ехал впереди их в полном генеральском мундире.<...> Вряд ли осталось в центре опасное место где он не распорядился бы, полк, не ободренный словами и примером его. Под ним убито и ранено пять лошадей, из адъютантов и офицеров его весьма немногие уцелели... в Бородине общее мнение решительно склонилось на его сторону. Уже несколько недель не приветствовали его войска обычным восклицанием, но в Бородине от каждого гремело ему: ура! Однако же хвала, воздаваемая его бесстрашию, не могла искоренить из души его горести упреков, какими прежде его осыпали. Глубоко чувствовал он оскорбление и искал смерти, желая пожертвованием жизни искупить примирение с укорявшею его Россиею»

(цит. по: Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. С. 182-183).

Позднее, в сентябре 1812 г. Барклай покинул армию и вновь вернулся в нее уже в начале 1813 г. Однако было бы неверным связывать перипетии судьбы Барклая лишь с интригами двора и предательством царя. Гораздо важнее был тот национальный характер, который очень скоро приняла война. Практически около двух сотен лет, со времен Смуты, на русскую землю не ступала нога иностранного завоевателя. Вторжение Наполеона вызвало подъем патриотических чувств, породило порыв к национальному единению. Из районов, оставляемых русской армией, жители уходили, сжигая селения, увозя скот, оставляя неприятелю выжженную пустыню. Уже в июле 1812 г. и стихийно, и по указанию Барклая де Толли стали формироваться партизанские отряды, наносившие французам большой ущерб. «Смоленская губерния весьма хорошо показывает патриотизм, – с восторгом писал Багратион в августе, – мужики

здешние бьют французов как свиней, где только попадают в малых командах...»

(цит. по: // Родина. 1992. № 6-7. С. 134).

В условиях, когда, по выражению историка А. Г. Тартаковского, возникло «чувство общности национальной жизни, единения перед лицом смертельной опасности людей самых разных состояний», когда в сознании людей война стала *отечественной*, т.е. войной за Отечество, отступление, поражение естественно воспринимались как трагедия, а их виновник – как предатель. Страна жаждала получить истинно народного вождя, который повел бы ее к победе и уничтожил ненавистного врага. Таким вождем и стал Михаил Илларионович Кутузов.

Кутузов принадлежал к старинному русскому дворянскому роду, его отец был генералом и сенатором. Сам Кутузов окончил Кадетский корпус и уже в 17 лет, получив первый офицерский чин, сражался в Польше, а затем на русско-турецкой войне 1768-1774 гг. в битвах при Ларге и Кагуле. Под началом Суворова Кутузов участвовал в завоевании Крыма и Кубани и в 1784 г. получил чин генерал-майора. Во время следующей русско-турецкой войны Кутузов участвовал в осаде и взятии Измаила, затем усмирлял восставших поляков. После этого наступил период придворной службы полководца: он был послан в Константинополь для переговоров с турками о мире, затем назначен генерал-губернатором Казанским, начальником Кадетского корпуса. При императоре Павле Кутузов был послом в Пруссии, командовал отдельными воинскими соединениями; при Александре I он был назначен генерал-губернатором Литвы, а затем военным губернатором Петербурга. В 1805 г., в начале очередной войны с Наполеоном, Кутузов становится главнокомандующим русской армией. Поражение под Аустерлицем породило недоверие к Кутузову со стороны Александра I. Отныне с этим именем у императора всегда ассоциировалась одна из самых больших его неудач. В 1811 г. вновь в звании главнокомандующего Кутузов закончил войну с турками, добившись подписания столь необходимого России мира, за что был пожалован графским достоинством. С началом войны 1812 г. Кутузов был избран начальником ополчения и исполнял обязанности командующего войсками в Петербурге и Финляндии. В начале августа царь назначает его членом Государственного совета и жалует титул светлейшего князя. 8 августа под давлением общественного мнения, выразителем которого

стал в эти дни даже Аракчеев, император назначил Кутузова главнокомандующим.

Прежде чем перейти к изложению дальнейшего хода событий, остановимся на одном вопросе. Французский историк Ж. Мишле писал:

«Наполеон – франко-итальянец – к тому же не знал ничего о мире. В глубоком невежестве и полнейшем равнодушии своем к различным нациям, по землям которых он проводил пушки свои... Он вступил в Россию, зная очень смутно, что это была страна крепостных и воображая, что положение в России точно такое, как и в Польше...»

(цит. по: Мишле Ж. История XIX века. СПб., 1884. Т. III. С. 289).

Французскому историку вторит русский историк Е. В. Тарле:

«Конечно, коренной из всех его (Наполеона. – *Е.В.*) ошибок была ошибка, происшедшая от полного незнания и непонимания русского народа. Не только он, но и буквально никто в Европе не предвидел, до каких высот героизма способен подняться русский народ, когда дело идет о защите родины... Никто не предвидел, что русские крестьяне обратят весь центр своей страны в сплошную выжженную пустыню, но ни за что не покорятся завоевателю. Все это Наполеон узнал слишком поздно»

(цит. по: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 216).

Однако вопрос, которым задавались многие историки, заключается в том, было ли бы сопротивление русских крестьян таким же мощным, если бы Наполеон объявил об отмене крепостного права? Сам Наполеон впоследствии сокрушался, что не сделал этого, полагая, что тогда сумел бы одержать победу. Действительно, не следует думать, что все крестьянство участвовало в борьбе с Наполеоном. Более того, историкам известны случаи, когда крестьяне, в особенности в Литве и Белоруссии, приветствовали приход французов, вместе с ними совершали набеги на помещичьи усадьбы, ловили своих бывших хозяев и выдавали их завоевателям. Но все это были скорее отдельные исключения из общего правила. Мотивируя отказ Наполеона объявить крестьян вольными, историки говорят обычно о том, что император французов давно отбросил свои революционные убеждения и превратился в защитника феодально-монархических устоев. Однако освобождение крестьян отнюдь не стало бы актом антимонархическим и вполне укладывалось в буржуазные представления того времени, в русле которых Наполеон

действовал во всех завоеванных странах. Другое дело, что в самом начале войны, надеясь на заключение скорого мира, он вовсе не собирался менять политический строй России. Позже, когда ему стало ясно, что война будет вестись до окончательной победы той или иной стороны, предпринимать какие-либо шаги было поздно, не говоря уж о том, что это могло привести к непредсказуемым социальным последствиям. Помогло ли бы это Наполеону в самом начале? Ответить сколько-нибудь определенно на этот вопрос невозможно, но опыт Испании, где были отменены феодальные привилегии дворянства и церкви, уничтожена инквизиция, подсказывает, что и в этом случае Наполеон был бы обречен на поражение.

Итак, 17 августа Кутузов прибыл к армии, в район села Царевозаймище. Каковы же были планы нового главнокомандующего? Единой точки зрения на этот счет у историков нет.

Так, Е. В. Тарле писал:

«Кутузов знал, конечно, что Барклай прав, что Наполеона погубят (если вообще что-нибудь его погубит) отдаленность от базы, невозможность длительной, годами или даже долгими месяцами длящейся войны в нескольких тысячах километров от Франции, в пустынной, скудной, враждебной громадной стране, недостаток продовольствия, непривычный климат. Но еще более точно Кутузов знал, что отдать Москву без генеральной битвы не позволят и ему, несмотря на его русскую фамилию, как не позволили сделать это Барклаю. И он решил дать эту битву, ненужную, по его глубочайшему убеждению... Излишняя стратегически, она была неизбежна морально и политически»

(цит. по: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 221).

Позднее, в другой своей работе Тарле трактовал замысел Кутузова несколько иначе: «Буквально с первых дней своего верховного командования Кутузов... решил дать неприятелю "генеральное сражение"...» (Тарле Е.В. Бородино. М., 1962. С. 7).

По мнению С. Б. Окуня, «будучи прекрасно осведомлен о положении дел на фронте, Кутузов... имел четкий замысел дальнейших действий», суть которого сводилась к контрнаступлению. Оно же, в свою очередь, является маневром, «который предпринимается тогда, когда обороняющаяся сторона в ходе отступления изматывает противника и создаст необходимые резервы для перехода в наступление с целью нанесения ему сокрушительного удара». Исходя из этого, считал Окунь, «Кутузов, намереваясь дать решительное сра-

жение... не видел в нем... «решительной развязки». Своей задачей он ставил не полный разгром противника, а лишь ослабление его...» (Окунь С. Б. Указ. соч. С. 22-25).

В словах этого автора улавливается явное противоречие. Начинать сражение подобного масштаба без надежды на возможность разгрома противника, только для того, чтобы ослабить его силы, было по меньшей мере бессмысленно. Ведь нельзя было исключать и поражение, которое могло обернуться потерей армии. Очевидно, как бы ни относился Кутузов к самой идее генерального сражения, не давать его он не мог (собственно, решение об этом было принято Барклаем еще до прибытия Кутузова к армии) и, готовясь к нему, конечно же надеялся на разгром врага, тем более что под Бородино численность противостоящих армий была примерно одинаковой, а по некоторым подсчетам русские даже имели некоторое превосходство (русская армия вместе с казаками и ополченцами насчитывала 135-150 тыс. человек, французская вместе с нестроевыми солдатами – 130-145 тыс.). Эти обстоятельства необходимо учитывать при оценке итогов Бородинского сражения.

Прибыв к армии, Кутузов осмотрел выбранную Барклаем позицию у Царева-Займища и, хотя одобрил ее, 19 августа отдал приказ о продолжении отступления, которое было остановлено через три дня в 110 верстах от Москвы близ села Бородино. Здесь и состоялось сражение, сыгравшее столь важную роль в исходе войны. Русские позиции на Бородинском поле были распределены таким образом, что на правом фланге и в центре стояли части 1-й армии Барклая де Толли, а левый фланг у деревни Семеновской с построенными там укреплениями – Семеновскими флешами – прикрывался 2-й армией Багратиона. Между позициями этих армий находилась высота, на которой была расположена так называемая курганная батарея под командованием генерала Н. Н. Раевского. Впереди левого фланга русской армии у деревни Шевардино был выстроен Шевардинский редут, игравший роль передового укрепления. Именно на него пришелся первый удар французов 24 августа. В течение дня Шевардинский редут был захвачен противником, отбит и снова захвачен. Этот бой задержал продвижение французских войск и дал возможность русским завершить строительство укреплений. Следующий день ушел в основном на подготовку обеих армий к сражению. У Наполеона была возможность осуществить обходной маневр и попытаться окружить русскую армию, но он верно расчислил

тал, что в этом случае Кутузов вновь отступит и генеральное сражение может не состояться.

Некоторые историки утверждают, что удачное расположение русских войск заставило Наполеона направить свой основной удар на левый, наиболее укрепленный фланг. Другие, напротив, считают, что подобное расположение было ошибкой Кутузова, до последнего момента не знавшего, куда будет направлен удар, и в результате значительно ослабившего левый фланг. По их мнению, резервы, которые посылались туда уже в ходе битвы, опаздывали из-за слишком большой протяженности линии фронта, что в конечном счете привело к гибели 2-й армии, мужество и героизм которой спасли, однако, от катастрофы русскую армию в целом. В оправдание Кутузова следует заметить, что сражение рано утром 26 августа (7 сентября по новому стилю) началось с атаки на правый фланг русской армии, где вскоре французам удалось занять Бородино. И лишь сразу после этого центр сражения был перенесен на левый фланг.

В течение нескольких часов Наполеон огромными силами неоднократно атаковал Семеновские флеши и батарею Раевского, много раз переходившие затем из рук в руки. Несмотря на значительный численный перевес французов, русские воины держались здесь несколько часов, однако к полудню флеши были все-таки взяты французами, а русские вынуждены были отступить. Во время одной из атак был тяжело ранен П. И. Багратион. Батарея Раевского продолжала обороняться в течение некоторого времени и после захвата флешей.

В это время Кутузов направил в тыл противника кавалерийский корпус Ф. П. Уварова и казаков М. И. Платова. Историки расходятся в оценках этого рейда. Одни считают, что он был успешным, ибо благодаря ему удалось на несколько часов отсрочить решительную атаку французов на курганную батарею, дав возможность избежать прорыва фронта во время отступления русской армии от Семеновских высот. Другие, ссылаясь на мнение самого Кутузова, полагают, что кавалеристы и казаки не выполнили поставленной задачи. Так или иначе в два часа дня Наполеон вновь атаковал батарею Раевского, и к четырем часам она была взята французами. К вечеру русские войска были отведены на новую линию обороны, и противник больше не предпринимал попыток их атаковать.

В литературе можно встретить утверждение, что ночью с 26 на 27 августа французские войска были отведены на позиции, которые они занимали накануне сражения. Однако это не соответствует дей-

ствительности: французы ночевали на поле сражения, которое, таким образом, фактически осталось за ними. Наполеон, как, впрочем, и большинство русских, ожидал, что на следующий день сражение возобновится. Но Кутузов дал приказ об отступлении.

Вопрос о том, кто победил в Бородинском сражении, вот уже почти 200 лет вызывает споры. Прежде чем ознакомиться с различными точками зрения на эту проблему, обратимся к фактам, например, к данным о потерях сторон. Правда, и в этом единства у историков нет. Так, говоря о потерях французов, большинство советских историков называют цифру 58,5 тыс. человек, взятую из документов, опубликованных еще в 1812 г. Однако, по мнению историка А.А. Васильева, проанализировавшего французские документы, потери Великой армии Наполеона при Бородине составили 30-34 тыс. человек. Что же касается потерь русской армии, то приводимая историками цифра колеблется от 38,5 до 44 тыс. человек. Как видим, в абсолютных цифрах потери русских были значительно больше. В процентном соотношении французы потеряли примерно 23% личного состава, а русская армия – менее 25%. Если учесть, что французы были стороной нападающей, которая несет обычно больше потерь, то надо признать, что этот показатель говорит в пользу победы Наполеона.

В какой мере каждой из сторон удалось выполнить поставленные накануне сражения задачи? Вполне очевидно, Кутузову не удалось ни разгромить наполеоновскую армию, ни остановить ее наступление. Более того, французы сохранили свои резервы (гвардию) численностью примерно 20 тыс. человек, не участвовавших в сражении, а на следующий день получили подкрепление – свежую дивизию в 6 тыс. человек. Резервы же русской армии были практически исчерпаны. С другой стороны, Наполеону также не удалось ни уничтожить русскую армию, ни заставить ее командование просить о мире. Несмотря на тяжелые потери, русская армия была спасена и могла продолжать кампанию. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что сам Наполеон был поражен мужеством и стойкостью русских солдат, их явной готовностью скорее умереть, чем отступить.

По мере того как время шло, победа не приближалась, а французские потери росли, покоритель Европы все больше мрачнел. «В один голос все, кто к нему подъезжал и с ним говорил, передают, что они просто не узнавали императора. Угрюмый, молчаливый,

глядя на горы трупов людей и лошадей, он не отвечал на настоятельнейшие вопросы, на которые никто, кроме него, не мог ответить. Его впервые наблюдали в состоянии какой-то мрачной апатии и как будто нерешительности»

(цит. по: Тарле Е. В. Наполеон. С. 225).

Возможно, Наполеон видел и понимал то, чего не видели и не понимали окружавшие его люди.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ ОБ ИСХОДЕ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

Ж. Мишле

«Наполеон, который так сильно желал большого сражения, думая, что оно положит Россию к ногам его, выказал себя перед Московской колеблющимся, нерешительным, как отзываются все историки. Он был немного болен... Победа его была неполная, он очень мало воспользовался ею, не преследовал сильно ослабленных русских... Русские ушли и потом подкрепили свои войска и привели их в боевой порядок. Наполеон, следуя рутинной системе своей, воображал, будто выиграл все, взяв столицу»

(цит. по: Мишле Ж. Указ. соч. Т. III. С. 291).

М. Н. Покровский

«...Результаты Бородинского боя были несравненно ниже того, на что позволяли надеяться имевшиеся в распоряжении Кутузова данные. Он достиг только того, что не был разбит наголову... К вечеру все наши позиции были в руках французов; неприятель имел двадцатитысячный совершенно нетронутый резерв, тогда как из русских армий вторая не существовала вовсе, а первая была почти совершенно расстроена... <...> На другой день боя Наполеон оказался вдвое сильнее Кутузова... Причиной было крайне бестолковое расположение русских войск, теснившихся без всякой нужды на небольшом пространстве, так что неприятельские ядра могли бить все четыре линии наших корпусов вплоть до резервов»

(цит. по: Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 55).

«...Кутузов очень успешно провел с нужными ему результатами ту оборонительную операцию, каковой с самого начала являлось для него и для его армии Бородинское сражение, а Наполеон проиг-

рал совершенно безнадежно и неоспоримо тот наступательный бой, который он предпринял утром с определенной целью разгрома русских... <...> достаточно припомнить, во что обратилась наполеоновская армия после Бородина, чтобы незачем было слишком многогоречиво объяснять, почему Кутузов не только *чувствовал* себя победителем, но и *был* победителем на самом деле, почему на глазах Наполеона, который уже и подумать не мог об атаке, русский главнокомандующий совершенно спокойно, не боясь ни обходов, ни прямых нападений, совершил свой знаменитый фланговый марш»

(цит. по: Тарле Е. В. Бородино. М., 1962. С.76, 82-83).

С. Б. Окунь

«Бородинское сражение было выдающейся победой России, еще раз продемонстрировавшей все превосходство русской армии над французской и военного искусства Кутузова над военным искусством Наполеона. Бородино еще не означало полного разгрома наполеоновской армии, но это было поражение, которое его в значительной мере подготовило»

(цит. по: Окунь С. Б. Указ. соч. С.35).

А. З. Манфред

«То была победа нравственная, но еще оставалась нерешенной задача материальной победы над вторгнувшейся в Россию армией. Бородино не дало решающего перевеса ни одной из сторон и потому в сложившейся обстановке не могло предотвратить оставления Москвы русской армией»

(цит. по: Манфред А. З. Указ. соч. С. 639).

П. А. Жилин

«Бородинское сражение – генеральное сражение войны 1812 года. Но оно не дало ярко выраженного успеха ни той, ни другой стороне. <...> Бородинская битва ознаменовала собой кризис наполеоновской стратегии генерального сражения. На Бородинском поле впервые с особой силой выявилась несостоятельность наполеоновской теории достижения победы в одном генеральном сражении, которая стала своего рода "рецептом победы"»

(цит. по: Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 170-171).

Н. А. Троицкий

«Действительно, с точки зрения материальной, Наполеон был вправе объявить себя победителем: он захватил все основные пункты русской позиции... после чего русские отступили с поля сражения, а затем и оставили Москву. Но все же главную свою задачу –

разгромить русскую армию – Наполеон при Бородине не решил. Более того, Бородино надломило моральный дух наполеоновской армии, пошатнуло в ней былую уверенность в победе, ослабило ее наступательную активность. Не в материальном, а в моральном и даже в политическом отношении (если учитывать последующий ход войны) Бородино – победа России»

(цит. по: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: История темы. Саратов, 1991. С. 81).

Б.С. Абалихин

«Чья это победа? На мой взгляд, ничья. Ни Наполеон, ни Кутузов не добились главных целей. Французский полководец намеревался разгромить русскую армию и заставить Россию заключить выгодный для него мир. Кутузов ставил задачу отстоять Москву. <...> Наполеон прекрасно понимал ситуацию, видел то ожесточение, с каким сражались солдаты русской армии, поэтому он и не ввел в сражение свою «гвардию»

(цит. по: // Родина. 1992. №6-7. С. 72).

А. А. Васильев

«Для меня здесь нет вопроса. Конечно, это была победа Наполеона, тактическая победа «по очкам»... То, что французы не разгромили русскую армию при Бородине, – неудивительно. При том соотношении сил, какое сложилось перед сражением, Наполеон вряд ли мог рассчитывать на какой-либо иной результат. Его войска ценной огромных усилий сумели отбросить русскую армию с ее первоначальной позиции, захватить большинство полевых укреплений противника и причинить последнему тяжелые потери. Но у них не было сил для широкого маневрирования, для обхода или окружения армии Кутузова. Кроме того, Наполеон прекрасно знал стойкость русских солдат. <...> Все вышесказанное не умаляет доблести и самоотверженной стойкости русских солдат и офицеров, проявленных ими при Бородине. Вряд ли какая-либо другая армия, кроме русской... смогла бы выдержать такой страшный артиллерийский огонь, такой мощный натиск и при этом не дрогнуть».

(цит. по: // Родина. 1992. № 6-7. С. 72-73).

Представление о том, что произошло 26 сентября 1812 г. на Бородинском поле, будет неполным, если мы ограничимся лишь суждениями историков. Война 1812 г. породила обширную мемуарную литературу, и до нас дошли многочисленные свидетельства очевидцев и участников этого грандиозного сражения. Ознакомимся с некоторыми из них.

Н. Н. Муравьев

«Не знаю настоящих причин, побудивших Кутузова дать Бородинское сражение, ибо мы были гораздо слабее неприятеля и потому не должны были надеяться на победу. Конечно, главнокомандующий мог ожидать отпора неприятелю со стороны войск, которые с нетерпением видели приближающийся день сражения, ибо мы были уже недалеко от Москвы. Казалось несбыточным делом сдать столицу неприятелю без боя и не испытав силы оружия, французы превозносились тем, что нас преследовали; надобно было по крайней мере вызвать в них уважение к нашему войску. Кутузову нужно было также получить доверие армии, чего предместник¹ его не достиг, постоянно уклоняясь от боя. Он мог иметь только слабую надежду на успех, и победа нам бы дорого обошлась. При равной же с обеих сторон потере неприятель, и при неудаче своей², становился вдвое сильнее нас. Французы имели столь превосходные силы в сравнении с нашими, что они не могли быть наголову разбиты, и потому, в случае неудачи, они, отступив несколько, присоединили бы к себе новые войска и в короткое время могли бы снова атаковать нас с тройными против наших силами, тогда как нам не успели бы прийти подкрепления. Наша армия также не могла быть разбита наголову; но, потеряв равное с неприятелем число людей, мы становились вдвое слабее и в таком положении нашлись бы вынужденными отступить и сдать Москву, как то и случилось. <...>

26-го числа к рассвету все наше войско стало под ружьем. Главнокомандующий поехал в селение Горки на батарею, где остановился и слез с лошади; при нем находилась вся главная квартира³. Солнце величественно поднималось, исчезали длинные тени, светлая роса блистала еще на лугах и полях, которые через несколько часов обагрились кровью. Давно уже заря была пробита в нашем стане, где войска в тишине ожидали начала ужаснейшего побоища. Каждый горел нетерпением сразиться и с озлоблением смотрел на неприятеля, не помышляя об опасности и смерти, ему предстоявшей. <...> Между тем продолжался по всей линии частый артиллерийский огонь; зарядные ящики взлетали на воздух, и орудия подбивались, но подобные орудия немедленно заменялись свежими из

¹ Предшественник Кутузова – Барклай де Толли.

² Имеется в виду – в случае неудачи русских.

³ Ставка главнокомандующего.

резервной артиллерии. Во многих артиллерийских ротах были перебиты почти все офицеры и прислуга, почему для действия при орудиях назначали людей из пехоты. Войска наши, стоявшие все время под ружьем, много потерпели от артиллерийского огня. Наполеон, находя, что уже настала пора начать атаку, послал огромные массы, чтобы взять на штыках Раевского батарею. Французская пехота несколько раз была на батарее, но ее отбивали с большой потерей. В довершение натиска он пустил всю свою конницу в атаку, чтобы прорвать наши линии, в которые она действительно ускакала и смяла почти весь 6-й корпус. Конница сия заняла с тыла Раевского батарею, на которую вслед за тем пришла неприятельская пехота. Французские кирасиры собирались уже атаковать наш 5-й гвардейский корпус, коего полки построились в каре, как выдвинулись чаши две кирасирские дивизии, которые ударили на неприятельскую конницу, опрокинули ее и погнали; но новые силы поспешили к французам на подкрепление, и некоторые из наших кавалерийских полков уступили место. Тогда конница наша, снова построившись, опять опрокинула неприятеля в овраг и гналась за ним до самых французских линий. <...>

Алексей Петрович Ермолов был тогда начальником главного штаба у Барклая. Он собрал разбитую пехоту нашу в беспорядливую толпу, состоявшую из людей разных полков; случившемуся тут барабанщику приказал бить на штыки, и сам с обнаженною саблею в руках повел сию сборную команду на батарею. Усилившиеся на ней французы хотели уже увезти наши оставшиеся орудия, когда отчаянная толпа, взбежав на высоту, под предводительством храброго Ермолова, переколола всех французов на батарее (потому что Ермолов запретил брать в плен), и орудия наши были возвращены. <...>

Рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял необыкновенное зрелище, в своем роде великолепное, и напоминал битвы древних рыцарей или римлян... Всадники поражали друг друга холодным оружием среди груд убитых и раненых. <...> Следуя за ранеными, я спустился в лощину, по коей тянулись они вереницею и куда попадали только неприятельские гранаты, добивавшие их осколками своих взрывов. По всей лощине стояли лужи крови, среди коих многие из раненых умирали в судорожных страданиях. В таком же положении находилось множество лошадей, боровшихся со смертью. Картина ужасная! Стон и вопль смешивались со свистом перелетавших ядер и

лопавшихся гранат. Истребление человеческого рода на сем месте изображалось во всей полноте, ибо ни одного целого человека и необезображенной лошади тут не было видно»

(цит. по: Муравьев Н. Н. Записки // Русские мемуары: Избранные страницы 1800-1825 гг. М., 1989. С. 104-105, 115-117, 119).

Вернемся теперь к событиям, последовавшим за Бородинским сражением. Итак, 27 августа русская армия начала отступление по направлению к Москве. Надевшийся на продолжение сражения Наполеон шел за ней по пятам. 1 сентября в подмосковной деревне Фили состоялся военный совет, на котором решалась судьба древней столицы России. Совет не пришел к единому мнению, и Кутузов, приняв ответственность за решение на себя, отдал приказ об оставлении Москвы без боя. Уже на следующий день французы вошли в город.

На что рассчитывал, о чем думал в эти дни Наполеон, покоритель многих европейских столиц? Мы знаем, что окончательно идти на Москву он решил только в Смоленске, когда стало ясно, что русские не запросят пощады, а оставаться в полусожженном, опустошенном городе на зиму невозможно. Любым путем французский император стремился завершить если не всю войну, то по крайней мере эту кампанию. Захватив Москву и поразив таким образом, как он считал, Россию в самое сердце, он был уверен, что добьется мира. В Москве армия получит теплые зимние квартиры и весной сможет либо двинуться на родину, либо продолжить поход против русских, а может быть, вместе с русскими отправиться в Индию. Но то, что увидел Наполеон в Москве, не было похоже ни на Рим, ни на Милан, ни на Вену, Мадрид, Берлин или Варшаву. Москва не встретила своего победителя приветственной депутацией «отцов города», на улицах не толпились горожане, женщины не посылали бравым воякам воздушных поцелуев из окон домов. Огромный город был почти пуст: из 200 тыс. жителей в нем осталось не более десяти. В тот же день в разных частях города запылали пожары.

Кто поджег Москву? Этот вопрос всегда волновал и современников событий, и историков. Французы утверждали, что город был подожжен по приказу губернатора Москвы Ф. В. Ростопчина; обвиняли в этом и русское военное командование. Русские, наоборот, в сознательном поджоге города обвиняли французов. Позднее в со-

ветской историографии сложилась версия о том, что основной причиной пожара была неосторожность грабивших город французских мародеров. При этом, правда, признавалось, что русскими были подожжены военные и продовольственные склады, а в условиях сухой погоды и деревянной застройки пожар мог легко распространиться на весь город. Вывод же делался однозначный: «Но, как бы то ни было, вина за пожар Москвы лежит на агрессоре, навязавшем России захватническую истребительную войну. Одновременно московский пожар – свидетельство величайшего героизма и самопожертвования русских людей, подчинивших все свои помыслы и действия в те дни одной цели – изгнанию неприятеля из пределов отечества и его уничтожению»

(цит. по: Сахаров А.Н. Пожар в Москве в 1812 г. // Сахаров А., Троицкий С. Живые голоса истории. М., 1978. С.124).

Анализ документов в целом подтверждает сложившуюся в литературе точку зрения. Действительно, у Ростопчина существовал план поджога Москвы и уничтожения города в случае его сдачи, причем поджечь город он собирался еще до входа в него неприятеля. Однако реализовать этот план ему удалось лишь отчасти, поскольку Кутузов до последнего момента не сообщал о своих намерениях. Именно поэтому первые пожары возникли в ночь с 1 на 2 сентября. Существенно при этом то, что по приказу Ростопчина из города были вывезены средства пожаротушения, в результате чего французы при всем желании не могли остановить распространение огня. Когда же огонь захватил практически весь город и даже сам Наполеон вынужден был покинуть Кремль и переехать в Петровский дворец, грабившие город, часто пьяные, но главное, деморализованные французские солдаты и офицеры, уже понявши, что в Москве они не найдут ни долгожданного мира, ни теплых зимних квартир, конечно, также могли из чувства мести поджигать еще не охваченные пламенем здания. Известно, что французские власти, пытавшиеся бороться с поджигателями ловили и расстреливали не только русских, но и французов.

Пожар Москвы стал своего рода символом войны 1812 г. – символом самопожертвования русского народа, готового в борьбе с захватчиком идти до конца. В Москве Наполеон окончательно понял, что победа ускользнула из его рук. Все попытки начать переговоры с русским правительством не увенчались успехом. Александр I по-

клялся, что не успокоится до тех пор, пока хоть один вражеский солдат останется на русской земле. Между тем русская армия, отступая по Рязанской дороге, скрытно от противника повернула к югу по Старокалужской дороге, дошла до Красной Пахры, а затем вышла к Тарутину – в 75 км юго-западнее Москвы. К тому времени, когда французская разведка получила точные данные о расположении русских, Кутузов успел сконцентрировать силы и подготовиться к дальнейшим действиям. Здесь, в Тарутинском лагере, напасть на который французы не решились, удалось накопить резервы, восполнить недостаток вооружения. По некоторым оценкам, численность русской армии вместе с ополченцами была доведена до 240 тыс. человек.

В то же время французская армия, уставшая и деморализованная, становилась все менее боеспособной. Перед Наполеоном встала проблема: что делать дальше? Во французском штабе обсуждались различные планы: укрепления в Москве, наступления на Украину, Калугу, отступления по Смоленской дороге. Относительно решения, принятого наконец французским императором, существуют две версии. По одной из них, Наполеон намеревался идти на Калугу, а затем отступить к Смоленску, о чем свидетельствуют его военно-оперативные документы, да и реальное развитие событий. Эта точка зрения подкрепляется убеждением, что в Смоленске были сконцентрированы продовольственные запасы французской армии, а поход на Украину лишь еще более растянул бы французские коммуникации и сделал бы подвоз продовольствия невозможным. По второй версии, отступление к опустошенному Смоленску было для Наполеона бессмысленным, никаких запасов там не было, и поэтому он намеревался прорываться на богатую продовольствием Украину.

Как бы то ни было, 6 октября русские войска недалеко от Тарутина атаковали кавалерийский корпус Мюрата, который вынужден был отступить, потеряв 3 тыс. человек. На следующий день французская армия покинула Москву и двинулась сначала по Калужской, а затем по Новокалужской дороге в направлении Малоярославца. Кутузов, получив точные данные о направлении движения французов, 11 октября также двинул свои армии к Малоярославцу наперерез Наполеону. 12 октября у этого города разгорелось ожесточенное сражение, в течение которого он восемь раз переходил из рук в руки. После восьмой атаки русские отступили и город остался в руках французов. Русская армия, вновь совершив обходной маневр, расположилась на Калужской дороге, снова перекрывая путь

на Калугу, вынуждая французов начинать все сначала. Но Наполеон не мог не понимать, что теперь у него нет преимуществ, и новое сражение может закончиться катастрофой. «Этот дьявол Кутузов не получит от меня новой битвы, – заявил он на следующее утро» (Манфред А. З. Указ. соч. С. 647). Оставался один путь – назад, на Смоленск, через Можайск, по той же дороге, по которой французы пришли к Москве.

14 октября Наполеон отступил к Верее и начал быстрый отход к Смоленску, преследуемый русской армией, соединения которой передвигались параллельно основным силам французов. 28 октября Наполеон достиг Смоленска, где в течение пяти дней французская армия отдыхала и накапливала силы. Однако, опасаясь окружения, французы покинули Смоленск и двинулись дальше на запад. 3 ноября у села Красное русский отряд генерала М. А. Милорадовича, воспользовавшись тем, что по выходе из Смоленска Наполеон разделил свою армию на четыре колонны, атаковал французов и захватил в плен 2 тыс. человек и 11 орудий. Наполеон остановился, решив сконцентрировать силы. С большим трудом и потерями отдельным частям удалось пробиться к императору. И снова Наполеон устремился вперед, к Борисову, где надеялся переправиться через реку Березину. Французский полководец не знал, да и не мог знать, что именно здесь по плану русского командования предполагалось осуществить окончательное окружение и разгром противника. Однако несогласованность действий командиров отдельных соединений русской армии помешала им объединить свои силы до подхода французов, как было запланировано. В результате Наполеону удалось выбить русских из Борисова и, предотвратив их объединение, начать переправу. В течение 14-16 ноября почти вся наполеоновская армия (к Березине Наполеон вышел примерно с 60 тыс. человек) переправилась на правый берег реки.

Для французов переправа через Березину стала одним из самых трагических эпизодов войны. Полуголодные, обмороженные солдаты переправлялись через наспех сколоченные, постоянно разваливавшиеся мосты, на которых время от времени образовывались пробки. На другом берегу осталось немало раненых, отставших, больных. Командующий одной из русских армий адмирал П. В. Чичагов вспоминал:

«Ужасное зрелище представилось нам, когда мы 17 ноября пришли на то место, которое накануне занимал неприятель и которое

он только что оставил: земля была покрыта трупами убитых и замерзших людей; они лежали в разных положениях. Крестьянские избы везде были ими переполнены, река была запружена множеством утонувших пехотинцев, женщин и детей; около мостов валялись целые эскадроны, которые бросились в реку. Среди этих трупов, возвышавшихся над поверхностью воды, видны были стоявшие, как статуи, окоченелые кавалеристы на лошадях в том положении, в каком застала их смерть»

(цит. по: Окунь С. Б. Указ. соч. С. 4).

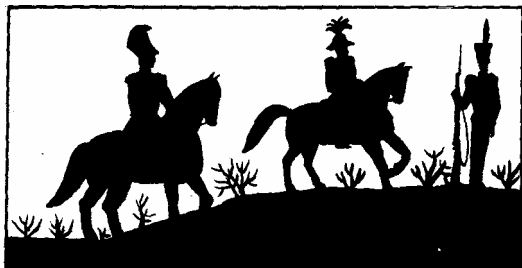
От Березины остатки Великой армии Наполеона двинулись к Вильно, а затем к Ковно, где 1 декабря переправились через Неман. Еще за неделю до этого Наполеон покинул армию, передав командование Мюрату. Позднее в Пруссии из оставшихся в живых солдат 600-тысячной армии удалось сформировать отряд в 30 тыс. человек.

25 декабря 1812 г. манифест императора Александра I известил народы России об окончательном изгнании захватчиков с территории страны. Отечественная война русского народа завершилась победой.

«1812 год впервые в истории России нового времени пробудил повсеместно чувство общности национальной жизни, единения перед лицом смертельной опасности множества людей самых разных состояний. Этот мощный общенациональный порыв дал себя знать в полной мере с момента вступления неприятеля в коренные русские земли и стойко держался до конца войны – всего какие-то 4-5 месяцев, но для дальнейших судеб страны они значили куда как больше, нежели десятилетия мирного, обыденного существования. 1812 год – сказочная, эпическая пора русской истории, и именно так он воспринимался пришедшими вслед за тем поколениями. Без национального начала нет ни самого 1812 года, ни всей последующей духовной жизни русского общества, а том числе и великой эпопеи Л. Н. Толстого».

(цит. по: Тартаковский А. Г. // Родина. 1992. №6. С.135).

ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К РЕАКЦИИ

«Дней Александровых прекрасное начало» – так назвал А.С. Пушкин первые годы царствования Александра I, отмеченные, по единодушному мнению историков, либеральными устремлениями, замыслами и надеждами. В противоположность этому периоду время, наступившее после отставки Сперанского и в особенности после окончания Наполеоновских войн, характеризуют обычно как время откровенной реакции, «аракчеевщины», символом которой стало создание так называемых военных поселений.

История военных поселений восходит еще к довоенному периоду, когда в одном из уездов Могилевской губернии было решено в качестве эксперимента поселить запасной батальон одного из армейских полков. Солдаты этого батальона должны были заняться сельскохозяйственным трудом и таким образом кормить своих товарищей из двух других батальонов, расположенных на постой в том же селении. Когда закончилась война, вопрос о военных поселениях встал особенно остро: страна находилась в тяжелом финансовом кризисе и перевод армии на самокупаемость (а именно это было главной целью военных поселений) казался удачным выходом из положения. Однако теперь было решено создавать военные поселения на новых основаниях. Если во время первого опыта солдат поместили в дома государственных крестьян, переселенных в Новороссийскую губернию, то после войны сочли, что это слишком дорого и легче самих государственных крестьян превратить в военных поселенцев. За 10 послевоенных лет подобным образом была

расселена треть русской армии, и, как свидетельствуют документы, эти планы распространялись на всю армию. Формально переведенные в поселенцы государственные крестьяне освобождались от крепостной зависимости, становились лично свободными, однако в реальности их положение оказывалось хуже прежнего. Поселенцы не имели права заниматься торговлей, уходить на промыслы; на прежнее место жительства возвращали даже крестьян, давно покинувших родные места и ушедших на заработки в город. Помимо обязанностей, связанных с ведением сельского хозяйства, поселенцы должны были выполнять все воинские уставы, являясь одновременно и крестьянами и солдатами. Детей поселенцев с шестилетнего возраста обучали военному искусству, с двенадцати лет их переводили в разряд кантонистов и отбирали у родителей, с восемнадцати – они уже считались военными служащими.

По мысли инициаторов строительства военных поселений, их успех должен был избавить от рекрутских наборов, поскольку возникала как бы самопополняющаяся армия, фактически военное словесие. Считалось, что таким образом сразу и решится проблема формирования армии, и облегчится положение крестьян, освобожденных от рекрутчины. Александр I был, видимо, убежден, что, ликвидировав рекрутчину и переведя казенных крестьян на положение вольных, он делает еще один шаг к их освобождению. Это было очередным и, может быть, одним из самых глубоких заблуждений царя, ибо военные поселения очень быстро стали предметом ненависти, причем не только тех, кто жил в них, но и общества в целом. Показательно, что против поселений были настроены даже члены царской семьи, как правило, выступавшие оппонентами всех либеральных начинаний Александра. Главным организатором военных поселений, непосредственным исполнителем воли царя был Аракчеев. С именем этого нелюбимого и презираемого человека связывались царившие в поселениях жестокость и произвол.

Следует также заметить, что Александр наследовал от отца и деда большую любовь к военной сфере – парадам, муштре, шагистике, блеску амуниции и пр. После окончания войны эта любовь перешла в манию, чему способствовала предоставившая императору возможность сравнить выучку своих солдат с навыками прусских, австрийских, английских и др. Сравнение оказалось не в пользу русских и послужило поводом к распространению в армии палочной дисциплины и жестокой муштры.

Результатом политики строительства военных поселений стали восстания поселенцев, самое крупное из которых произошло на Украине в 1819 г. Восстание охватило значительные районы и относительно большое количество воинских частей; после его подавления было арестовано более 2 тыс. человек, из которых 275 были приговорены к смертной казни, замененной иными наказаниями. В следующем, 1820 г. страну потрясло известие о восстании в лейб-гвардии Семеновском полку – одном из двух старейших, основанных еще Петром I привилегированных полков русской регулярной армии. Шефом его был сам император Александр I, формально числившийся в списках 1-й гренадерской роты и много внимания уделявший подбору офицеров и солдат. Во время войны 1812-1814 гг. полк участвовал во всех походах русской армии, был при Бородине, в крупнейших сражениях в Европе. Этот полк пользовался большим авторитетом и, как считает историк В. В. Лапин, был символом боевой славы империи, участником и свидетелем событий, из которых слагалась отечественная история.

В апреле 1820 г. новым командиром полка был назначен полковник Ф. Е. Шварц, потомок незнатного дворянского рода из Смоленской губернии, чьи предки, выходцы из Дании, поселились в России еще в XVII в. Боевой офицер, участник Отечественной войны и заграничных походов, Шварц был известен как человек храбрый, но малообразованный и беспощадный к солдатам. Воспоминания современников об обращении Шварца с нижними чинами заставляют думать, что ко времени назначения в Семеновский полк он страдал психическим расстройством, сделавшим его особенно жестоким и изобретательным на разного рода издевательства и унижения. Вступив в командование полком, Шварц стал с еще большим рвением, чем прежде, применять здесь жестокую муштру, устраивать бесконечные учения, смотры, проверки и пр. Жизнь полка резко переменилась: солдаты и офицеры не успевали выспаться, отдохнуть, привести в порядок обмундирование. В полку, где были развиты понятия чести, человеческого достоинства, где отсутствовали традиции рукоприкладства в отношении солдат, быстро росло недовольство новым полковым командиром, вылившееся в октябре 1820 г. в открытый бунт. От имени всего полка 1-я гренадерская рота заявила требование сменить командира полка, отменить ненавистные всем дополнительные смотры, введенные Шварцем, и принять меры к улучшению материального положения сол-

дат. Все попытки увещевать гренадеров, предпринимавшиеся высшими военными чинами Петербурга, результата не дали, рота была арестована и отправлена в Петропавловскую крепость. На следующий день к ней были присоединены еще две роты того же батальона, отказавшиеся повиноваться и требовавшие освобождения своих товарищей.

Слухи о происшедшем в полку быстро распространились по всей России, и действия семеновцев вызвали в обществе активную симпатию. Даже специально назначенная для следствия комиссия вынуждена была фактически оправдать солдат, и ее пришлось заменить другой. Приговор бунтовщикам был вынесен лишь в конце лета 1821 г.: девять с трудом выявленных комиссией «зачинщиков» были шесть раз прогнаны сквозь строй батальона и затем отправлены на каторгу в Сибирь; еще несколько сот человек распределены по различным армейским частям.

Восстания в военных поселениях и восстание Семеновского полка ставятся обычно историками в один ряд, и это справедливо в той мере, в какой отразилось в них неприятие разными слоями населения правительственной политики. Хотя налицо и некоторые отличия: в военных поселениях бывшие государственные крестьяне боролись против полного изменения своего привычного образа жизни и превращения их в военное сословие; восстание же в Семеновском полку было протестом элитной воинской части против перенесения на нее порядков, царивших, по сути, во всей остальной армии.

Но что же это была за политика, приведшая к восстаниям, да еще и к восстаниям в армии, которая должна была бы быть опорой власти? С точки зрения многих современников и историков последующего времени, эта политика была реакционной, поскольку так или иначе речь шла об ограничении свободы, права выбора. Но совсем иначе смотрел на это император Александр I. По его представлениям, случившееся было как раз результатом излишнего либерализма. Эти восстания, совпавшие с похожими событиями в других странах Европы, заставили царя окончательно отказаться от тех планов преобразований, которые существовали в России после войны с Наполеоном.

Еще в 1809 г., когда Александр I был полон энтузиазма относительно проектов Сперанского, произошло важное событие, создававшее, как казалось, благоприятную почву для дальнейших преобразований. После оккупации в ходе войны со Швецией Финляндии

весной 1808 г. встал вопрос о ее присоединении к Российской империи. Особенности международного положения, а также либеральные идеи императора навели его (не без помощи Сперанского) на мысль сделать Финляндию своего рода полигоном для апробации реформаторских замыслов. В связи с этим уже сразу по вступлении русских войск на территорию Финляндии там стали распространяться воззвания, в которых русское командование обещало населению конституцию и созыв законодательного собрания – сейма. В марте 1809 г. сейм был действительно созван и Александр обратился к нему с речью, в которой обещал сохранить существовавший в Финляндии порядок управления; накануне был подписан соответствующий манифест. Впоследствии сейм созывался по желанию царя для рассмотрения предлагаемых им вопросов, однако без согласия сейма царь все же не имел права изменять законодательство и вводить новые налоги. Реальным правителем Финляндии был генерал-губернатор, фактически возглавлявший правительство, которое сначала именовалось Правительствующим советом, а затем Сенатом. Существование в составе империи автономии с собственной конституцией создавало прецедент, своего рода пример для всей страны. Но, как мы уже знаем, намерения Александра и Сперанского до войны не суждено было сбыться. После же ее окончания создалась более благоприятная ситуация, ибо авторитет императора и внутри страны, и за границей был чрезвычайно высок.

Второй опыт соеднения самодержавия с конституцией был поставлен в Польше. Еще в 90-е годы, познакомившись с князем Адамом Чарторыйским, Александр в своих беседах с ним осуждал разделы Польши. Чарторыйский, видимо, не забыл этих слов императора и все годы своей близости к нему не оставлял надежд на восстановление польской государственности в пределах Российской империи. Такая возможность возникла после разгрома Наполеона, когда Александру удалось добиться от союзников согласия на присоединение к России герцогства Варшавского, которое было создано Наполеоном в 1807 г. и затем расширено за счет Пруссии в 1809 г. Во время Отечественной войны поляки сражались против России на стороне французов за сохранение своего государства, а по возможности и расширение его за счет земель, отошедших России в конце XVIII в. Надежда эта не оправдалась, в 1815 г. на Венском конгрессе державы, еще недавно принимавшие участие в разделах Польши, снова решали ее судьбу.

По настоянию России большая часть территории Польши вошла в состав Российской империи под именем Царства Польского. При этом в документах конгресса оговаривалось, что Польша должна управляться на основе конституции. Таким образом, в составе самодержавной империи должно было появиться еще одно автономное образование с собственной конституцией. В мае 1815 г. жителям бывшего герцогства Варшавского было объявлено о даровании им конституции, предусматривающей систему местного самоуправления и свободу печати. К осени того же года проект конституции был разработан и утвержден Александром I. По ней российский император одновременно становился королем Польши, но власть его ограничивалась конституцией. Создавался двухпалатный представительный орган – сейм, верхняя палата которого назначалась императором, а нижняя избиралась гражданами по сословиям, причем введенная избирательная система была для того времени довольно демократичной. Функции сейма сводились главным образом к обсуждению новых законов, которые затем должны были утверждаться императором. Права на законодательную инициативу у сейма не было; неполной была и независимость польского суда от исполнительной власти. Но при всем том конституция, несомненно, вводила на территории Царства Польского значительно более демократический политический режим, чем в самой России. Ходили упорные слухи, что император собирается присоединить к Царству Польскому и некоторые области, ранее бывшие в составе Речи Посполитой. 1816 и 1817 годы ушли на подготовку, а затем выборы сейма, открытие которого было намечено на март 1818 г.

Между тем еще в начале 1816 г. помещики Эстляндской губернии обратились к императору с просьбой отменить на их землях крепостное право. Вполне понятно, что такая просьба возникла не случайно, а была продиктована условиями развития сельского хозяйства в районах Прибалтики, где помещики все больше втягивались в торговые отношения и низкая производительность труда крепостных тормозила этот процесс. Естественно, что просьба нашла отклик у Александра, давно и тщетно ожидавшего от дворян подобной инициативы. Уже в мае 1816 г. он подписал положение об эстляндских крестьянах, по которому они становились лично свободными, но вся земля оставалась в собственности помещиков. Документ ограничивал свободу передвижения крестьян, которые могли менять место жительства только с разрешения крестьянского

мира и при отсутствии долгов. Положение крестьян, вынужденных становиться арендаторами у тех же помещиков, но подчас на еще более тяжелых условиях, радикально не изменилось, однако сам факт освобождения от крепостного рабства имел, конечно, большое значение. В 1817 г. аналогичная реформа была осуществлена в Курляндии, а в 1819 г. – в Лифляндии.

Конституции в Финляндии и Польше, отмена крепостного права в прибалтийских губерниях дают основание думать, что Александр в это время решил попытаться начать постепенные преобразования с окраинных провинций империи, чтобы уже затем перейти к собственно России. Об этом свидетельствуют и его действия в отношении Украины: в 1816 г. при назначении нового генерал-губернатора Малороссии было объявлено о реставрации в Полтавской и Черниговской губерниях органов казацкого самоуправления, ликвидированных в свое время Екатериной II. Имеются данные о разработке проекта освобождения украинских крепостных. В 1817-1818 гг. Александр дал поручение сразу нескольким сановникам о разработке проектов отмены крепостного права и в России. Одним из разработчиков был А. А. Аракчеев, который предлагал государству скупать у помещиков их имения, выделяя на эти цели по 5 млн рублей в год из государственного бюджета. По подсчетам историка С.В. Мироненко, в случае осуществления такого проекта ликвидация крепостного права должна была растянуться почти на 200 лет и завершиться к 2018 г. Однако проект Аракчеева был, по-видимому, одобрен царем. Другой проект по крестьянскому вопросу был подготовлен министром финансов Д. А. Гурьевым, причем изучение соответствующих документов позволило С. В. Мироненко предположить, что Гурьев возглавлял даже некий секретный комитет по рассмотрению крестьянского вопроса. Реализация подготовленных проектов зависела от успеха другого, более глобального документа, а именно проекта конституции.

В марте 1818 г. Александр I прибыл в Польшу на открытие сейма, где произнес речь, которая произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Государь объявил, что «законно-свободные учреждения», которые он «даровал» Польше, были предметом его постоянных «помышлений» и что он надеется распространить их на всю страну. Обращаясь к своим польским подданным, император, в частности, сказал: «Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры. Докажите своим современникам, что законно-

свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов»

(цит. по: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 157).

Таким образом, царь ясно давал понять, что от успеха польского эксперимента зависит и судьба конституции в России. Работа над ней началась в конце того же года под руководством Н. Н. Новосильцева. К октябрю следующего 1819 г. документ был готов и одобрен Александром I. Затем еще в течение года шла доработка. По новому проекту Российская империя должна была приобрести федеративное устройство и состоять из 10-12 крупных единиц – наместничеств во главе с генерал-губернаторами. Каждое наместничество должно было управляться своим сеймом из двух палат, а законодательная власть в стране в целом передавалась общероссийскому, также двухпалатному, сейму, осуществляющему законодательные функции совместно с государем. Проект предусматривал передачу исполнительной власти Государственному совету совместно с министерствами; судебная же власть окончательно отделялась от двух прочих.

Работа над проектом была закончена к концу 1820 г., и он был вновь одобрен императором. Однако теперь царь решил, что одной конституции тоже недостаточно, и она должна в свою очередь стать частью более крупного свода законов. В результате принятие конституции было отсрочено на неопределенное время. Правда, в качестве эксперимента было создано одно наместничество, а в 1821 г. возвращенному в Петербург из ссылки М. М. Сперанскому царь поручил написать «Проект учреждения наместничеств». Но к этому времени сам Александр уже почти отказался от надежды когда-нибудь воплотить свои замыслы в жизнь.

Что же все-таки помешало императору и почему более чем 20-летние усилия так и не реализовались на практике? Ведь не вызывает сомнений, что русское общество этого времени было уже совсем иным, чем в начале века: ушли со сцены «екатерининские старики», выросла и активно заявила о себе дворянская молодежь, участво-

вавшая в заграничных походах русской армии, воспитанная на идеях демократии и политических свобод и уже в это время создававшая тайные общества, в которых обсуждались различные проблемы переустройства государства и ликвидации крепостного права. Показательно, что Александр I знал о существовании обществ будущих декабристов и ничего не предпринял ни для их разгона, ни для привлечения их членов к конституционной работе. А ведь они могли бы стать его социальной опорой – той, в которой он так нуждался.

Увы, к этому времени император, видимо, и сам стал думать, что его замыслы неосуществимы и даже вредны. В этом убеждали волнения военных поселенцев и солдат Семеновского полка, революционные события в Южной Европе, произведшие, судя по многочисленным свидетельствам, очень сильное впечатление на императора. Ему стало казаться, что введение конституции и уж тем более отмена крепостного права могут послужить катализатором дальнейших потрясений, еще более страшных и непредсказуемых. Близким людям Александр жаловался на отсутствие помощников, говорил, что не может найти губернаторов для будущих наместничеств. Конституция, «истинная монархия», устроенная по принципам Монтескье, постепенно превращалась для императора в просто юношеский идеал, несовместимый с реальностью. Его же мысли все больше занимали вопросы религиозные, богословские; к концу жизни он стал интересоваться мистицизмом.

С ведома и благословения императора министр народного просвещения и духовных дел князь А. Н. Голицын и его приближенные организовали атаку на просвещение и науку; настоящему разгрому подвергся ряд университетов, откуда были удалены наиболее талантливые преподаватели. Все более свирепой становилась цензура. Под эгидой Голицына в 1816 г. было создано Библейское общество, которое ставило своей задачей объединить людей разных вероисповеданий в борьбе с революционной идеологией и для этого развернуло по всей стране пропаганду религиозного фанатизма. Первоначально в деятельности общества принимали участие и иерархи Русской православной церкви, но позднее они от него отошли. Широкое распространение в стране получили различные секты, кружки, масонские ложи. Последние давно отказались от пропаганды идей Просвещения и занимались изданием переводной и оригинальной литературы мистического содержания. Вместе с тем масоны много рассуждали и о разрушении сословных, национальных и религиоз-

ных переговорок, которое будет достигнуто через некое мистическое познание.

По всей видимости, эта своеобразная смесь мистицизма, религиозного фанатизма и идеалов Просвещения и была той идеологической почвой, на которой Александр предполагал основать свои реформы, но и она не удовлетворяла полностью. В 1822 г. была запрещена деятельность масонских лож; в 1824 г. Голицына на посту министра просвещения и духовных дел сменил А. С. Шишков – человек, известный своими консервативными убеждениями и приверженностью православию. К этому времени о реформах было окончательно забыто. В марте 1822 г. император утвердил предложение Сената разрешить помещикам ссылать провинившихся крестьян на поселение в Сибирь. Впервые за годы своего пребывания на российском престоле, одним росчерком пера перечеркнув свои собственные указы предшествующего времени, царь не ослабил крепостничество, но, наоборот, усилил его. С этого же времени еще более возросло влияние Аракчеева. Александр фактически удалился от дел, передоверив своему любимцу управление страной...

В ноябре 1825 г. император Александр I неожиданно умер, не дожив до 50 лет. Началось 30-летнее царствование его брата Николая Павловича.

МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ О ЦАРСТВОВАНИИ АЛЕКСАНДРА I

Н. И. Греч

«Вступление на престол императора Александра было самое благодатное: он прекратил царство ужаса, уничтожил Тайную канцелярию, восстановил права Сената, дворянства и – человечества, отменил строгую и, разумеется, нелепую и бестолковую цензуру. Россия отдохнула. Но образ вступления на престол оставил в душе Александра невыносимую тяжесть, с которой он пошел в могилу.
<...>

Александр был задачей для современников: едва ли будет разгадан и потомством. Природа одарила его добрым сердцем, светлым умом, но не дала ему самостоятельности характера, и слабость эта, по странному противоречию, превращалась в упрямство. Он был добр, но притом злопамятен; не казнил людей, а преследовал их

медленно со всеми наружными знаками благоволения и милости; о нем говорили, что он употреблял кнут на вате. <...>

Император Александр, рожденный со всеми прекрасными дарами природы, наружными и внутренними, явился в свет в самое для него благоприятное время, когда Россия молила Бога о даровании достойного наследника престолу Екатерины. Бог и природа сделали для него все: люди извратили и испортили все, что могли»

(цит. по: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С.117, 194).

В. О. Ключевский

«...Если бы сторонний наблюдатель, который имел случай ознакомиться с русским государственным порядком и с русской общественной жизнью в конце царствования Екатерины, потом воротился бы в Россию в конце царствования Александра и внимательно взгляделся бы в русскую жизнь, он не заметил бы, что была эпоха правительственных и социальных преобразований; он не заметил бы царствования Александра.

В чем заключалась причина этой безуспешности этих преобразовательных начинаний? Она заключалась в их внутренней непоследовательности... Император и его сотрудники решились вводить новые государственные учреждения раньше, чем будут созданы согласованные с ними гражданские отношения, хотели построить либеральную конституцию в обществе, половина которого находилась в рабстве, т.е. они надеялись добиться последствий раньше причин, которые их производили»

(цит. по: Ключевский В. О. Указ. соч. Т 5. С.236-237).

А. В. Предтеченский

«Царствование Александра представляет собой единый в своей внутренней сущности процесс. Деление его на два или больше периодов, различных по содержанию, приходящихся на каждый из них мероприятий, должно быть отброшено...

Правительство Александра было правительством крепостников. Россия к концу его царствования в основе своего социально-экономического и политического строя оставалась такой же крепостнической монархией, какой она была и в 1801 г. Царь осуществлял интересы крепостников, а для этого нужно было идти не вслед за стихийной буржуазной эволюцией страны, а, напротив, препятствовать этой эволюции, задерживать ее, применяя меры, которые

нельзя квалифицировать иначе, как реакционные. Поэтому в основе своей политика Александра была столь же реакционна, как политика Павла»

(цит. по: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 7, 17).

А. П. Бажова

«Подобно отцу, Александр I стремился к укреплению своей абсолютной власти, но он понимал непригодность тех методов, которыми действовал его отец. Павел был нетерпелив, груб, несдержан; его сын умел выжидать, действовать в обход, прислушиваться к настроениям общества. Политика выжидания и лавирования между различными дворянскими группировками особенно характерна для первого периода царствования Александра. Но по мере того как он укреплялся на престоле, его политика приобретала все более определенный характер. Он, как и его предшественники, добивался упорочения самодержавия»

(цит. по: История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1967. Т. IV. С. 66-67).

Н. П. Ерошкин

«Господствовавшее в дореволюционной (а одно время и в советской) историографии противопоставление первой и второй половины правления Александра как либерального (1801-1812) и реакционного (1815-1825) периодов внутренней политики является в значительной степени условным, ибо и политика заигрывания с либерализмом, имеющая элементы «просвещенного абсолютизма», и сменившая ее «аракчеевщина» имели одну цель – укрепление самодержавно-крепостнического строя»

(цит. по: Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 32).

С.В. Мироненко

«...Главной причиной, не позволившей освободить крестьян и попытаться изменить политический строй уже в начале XIX в., оказалось сопротивление подавляющей части дворянства. Александр I, попробовавший встать на путь реформ, вынужден был под напором мощной косной силы повернуть вспять. <...>

Самодержавный монарх, располагавший неограниченной властью, решительно исключал самую мысль о возможности давления на дворянство, настаивал, чтобы в основание любого проекта отме-

ны крепостного права был положен принцип добровольности. И, признав невозможность его соблюдения, верховная власть отказалась от реформ вообще»

(цит. по: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX. М., 1989. С. 232-233).

Дэвид Мак-Кензи и Майкл Курран

«Александровская эпоха завершилась, как и началась, насилем. Обещание радикальной реформы, возвещенное в 1801 г., было заблокировано упорным стремлением Александра полностью сохранить свою самодержавную власть. Предложениям Сперанского, которые могли открыть путь конституционной монархии, основанной на законе, не был дан шанс. Крепостничество и самодержавие сохранились как неколебимая основа Российской имперской системы»

(цит. по: MacKenzie O. and Curran M. A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. Belmont, 1993. P.333).

НАВСТРЕЧУ КРЫМСКОЙ КАТАСТРОФЕ

Начало царствования Николая I было отмечено событиями, известными в истории как восстание декабристов, произошедшее на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 г. и поддержанное восстанием на Украине в январе 1826 г.

Исходным толчком драматических событий конца 1825 г. стала неожиданная смерть в Таганроге императора Александра I, породившая в народной среде немало слухов и домыслов. Александр оставил завещание, согласно которому престол переходил не к старшему из его братьев Константину Павловичу, а к следующему за Константином по возрасту – 29-летнему Николаю Павловичу. Однако кроме родных и самых близких сподвижников, о завещании царя не знал никто в стране, и поэтому сразу же после получения известия о смерти Александра I императором был провозглашен Константин Павлович, постоянно живший в Варшаве.

Николай по разным причинам не хотел вступать на престол прежде старшего брата, пока он не получил из Варшавы твердого уверения, что Константин окончательно и бесповоротно отказывается от престола. Только тогда Николай решился принять власть. Пока шла активная переписка Петербурга с Варшавой, возник период междуцарствия, как правило, время тревожное, неустойчивое и опасное. Им-то и решили воспользоваться те, кого впоследствии назовут декабристами.

Наиболее емко традиционную для советской историографии точку зрения на декабристов выразил С. С. Волк:

«Декабристы – русские революционеры, поднявшие в декабре 1825 года восстание против самодержавия и крепостничества (название получили по месяцу восстания). Декабристы были дворян-

скими революционерами, их классовая ограниченность наложила печать на движение, которое по лозунгам было антифеодальным и связано с назреванием предпосылок буржуазной революции в России. Процесс разложения феодально-крепостнического строя, отчетливо проявившийся уже во 2-й половине XVIII века и усилившийся в начале, являлся базой, на которой выросло это движение»

(цит. по: Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5. С. 47).

Конечно, базой движения декабристов не являлся только процесс разложения феодально-крепостнической формации, источниками формирования их по сути революционной идеологии стал целый комплекс параметров. Российская империя, добившись в Отечественной войне 1812 г. блестящей победы над Наполеоном, стала ведущей державой мира. Источники декабризма – это сложные общественные процессы, порожденные влиянием идей русского просветительства, западно-европейского Просвещения, Французской революции, впечатлениями от заграничного похода русской армии в 1813-1814 гг., так и явной неспособностью и нежеланием правящих верхов к реформированию общественного и политического строя в соответствии с новыми условиями жизни в посленаполеоновскую эпоху.

Нельзя сбрасывать со счетов и влияние романтизма, искреннее желание истинных сынов Отечества послужить России во имя ее благоденствия в будущем, и честолюбивые устремления дворянской молодежи, составлявшей большую часть тайных обществ, которые стали возникать вскоре по возвращении русской армии на родину.

Первое тайное общество – «Союз спасения» (или «Общество истинных и верных сынов Отечества») – возникло в 1816 г.; во главе его стояли молодые офицеры – Александр Муравьев, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев и др. В 1818 г. они основали новое, более обширное общество – «Союз благоденствия», которое насчитывало уже не менее двухсот членов. Руководящим органом «Союза» стала Коренная управа. В 1821 г. Коренная управа объявила о самороспуске «Союза», хотя его руководители не намеревались прекращать революционную деятельность, а лишь стремились таким образом избавиться от ненадежных и случайных членов.

Характерной чертой созданной вскоре новой тайной организации было структурное деление ее на две части: Северное общество,

опиравшееся на столичные воинские части, и Южное общество, основой которого стали полки 2-й армии, стоявшей на Украине.

Другой особенностью нового этапа движения декабристов стала разработка программы действий на будущее, естественно, при условии победы восставших. Сразу же обнаружились разногласия в представлениях о том, какой должна быть будущая Россия. Так, «Русская правда» – программа признанного лидера Южного общества полковника П. И. Пестеля – предусматривала установление диктатуры Временного верховного революционного правления типа военной диктатуры. Новый орган власти вводил Конституцию, согласно которой Россия становилась унитарной республикой с однопалатным законодательным собранием – Народным вечем и Державной думой – своеобразным советом, каждый из пяти членов которого выполнял функции главы государства и правительства в течение одного года. Контрольные пожизненные функции принадлежали Верховному собору, надзирающему за соблюдением Конституции. Эта Конституция гарантировала гражданам России основные гражданские свободы, в том числе свободу от крепостной зависимости.

Иной видел Россию автор Конституции лидер Северного общества Никита Муравьев. Основы государства создавало общероссийское Учредительное собрание. Россия определялась как конституционная монархия с мощным федеративным устройством по типу США. Вся страна делилась на 15 «держав», высшие органы законодательной власти состояли из Державной думы и Палаты народных представителей.

Приведем извлечения из программных документов декабристов.

Из «Русской правды» П.И. Пестеля

«Русская правда» есть наказ или наставление временному верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может...

Глава I. О земельном пространстве государства

...Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено...

Вследствие всего здесь сказанного объявляется Российское государство в пределах, выше обозначенных, *единым и неразделимым*, отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства...

Глава III. О сословиях, в России обретающихся

...Все люди в государстве имеют одинаковое право и все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устройением. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным... А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским...

Глава IV. О народе в политическом отношении

...Сии средства состоят в разделении земель каждой волости на две половины по угодиям (по качеству земли)...Одна половина получит наименование земли общественной, другая – земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять. Она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для достижения необходимого всем гражданам продукта без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать на оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия... Каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не отдаваясь в их зависимость, но от трудов, кои приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей...

Глава V. О народе в гражданском отношении

Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия. Вследствие сего постановляются следующие неизменные правила: 1) никто из граждан не должен свободы быть лишен и под стражу посажен иначе, как законным образом... 2) одно только полицейское ведомство имеет право граж-

дан брать под стражу... 5) в дом гражданина никто войти не может без его согласия... 10) никто не может быть судим иным порядком, как обыкновенным законным судебным...

Коренные правила в отношении к свободе книгопечатания постановляются следующие: 1) каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только, чтобы имя было на его сочинении выставлено... 3) за мнения и правила, в сочинении изложенные, отвечает каждый писатель на основании вышеупомянутых правил об учении и проповедовании, противных законам и чистой нравственности, и судится общим судебным порядком.

Коренные правила в отношении к свободе вероисповедания и духовных действий состоят в следующем: 1) христианская православная греко-российская вера признана быть должна господствующею верою великого государства Российского; 2) все прочие христианские исповедания, равно как и все инородные веры дозволяются в России, если только не противны российским законам духовным и политическим, правилам чистой нравственности.

Из «Конституции» Н. М. Муравьева

Работать над своим программным документом Муравьев, как и Пестель, начал с 1815 г. К моменту восстания 14 декабря 1825 г. он успел полностью завершить работу над «Конституцией». Правда, она так и не стала программой Северного, а тем более Южного общества. Известны четыре редакции документа, написанного Муравьевым, которые отличаются незначительными деталями.

Глава I. О народе русском и правлении

...2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя...

Глава II. О гражданах

...5. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

- 1) Не менее 21 года возраста.
- 2) Известное и постоянное местожительство.
- 3) Здравие ума.
- 4) Личная независимость.
- 5) Исправность платежа общественных повинностей.
- 6) Непорочность перед лицом закона.

Глава III. О состоянии, личных правах и обязанностях русских

...10. Все русские равны перед законом.

11. Русскими почитаются все коренные жители России и дети

иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом...

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику (поскольку) противно Вере...

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам...

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим...

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными...

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим...

Глава IV. О России

...43. В законодательном и исполнительном отношениях вся Россия делится на 13 держав, 2 области и 568 уездов или поветов... Державы делятся на уезды, уезды на волости от 500 до 1500 жителей мужского пола...

Глава VI. О Народном вече

...59. Народное вече, состоящее из Верховной думы и Палаты народных представителей, облечено всей законодательной властью...

Глава VII. О палате представителей, о числе и выборе представителей

...60. Палата представителей составлена из членов, выбранных на два года гражданами держав...

Глава VIII. О думе Верховной

...73. Верховная дума состоит из трех граждан каждой державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего 42 члена. Члены Верховной думы избираются правительственными сословиями держав и областей, т.е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными думами...

75. Условия, необходимые, чтобы быть членом Верховной Думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительства во время избрания в той державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1500 фунтов чистого серебра

или движимого на 3000 фунтов серебра.

76. Дума избирает сама своего председателя, заместника и прочих своих чиновников...

77. Верховной думе принадлежит суд над министрами, верховными судьями и всеми прочими сановниками империи, обвиненными народными представителями...

Дума участвует вместе с императором в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил...

Глава X. О верховной исполнительной власти

...Император есть: верховный чиновник Российского правительства. Его права и преимущества суть:

1. Власть его наследственная по прямой линии от отца к сыну...
2. Он соединяет в особе своей всю исполнительную власть.
3. Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждает ее ко вторичному рассмотрению закона.
4. Он верховный начальник сухопутной и морской силы...
7. Ведет переговоры с иностранными державами и заключает мирные трактаты с совета и согласия Верховной думы...

8. Он назначает посланников, министров и консулов и представляет Россию во всех ее отношениях с иностранными державами...

13. Он обязан при каждом съезде обеих палат доставлять Народному вечу сведения о состоянии России и представлять его суждению принятия мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными...

15. Не может употреблять войск во внутренности России в случае возмущения, не сделав об том предложения Народному вечу.

Из манифеста «К русскому народу», найденного в бумагах С.П.Трубецкого

Манифест был написан Трубецким и одобрен Рылевым накануне восстания 14 декабря 1825 г. Его должен был утвердить Сенат как программу будущих преобразований России. Не предвзяв конкретных политических, экономических и социальных изменений, он намечал лишь общие контуры нового общества и державы.

В манифесте Сената объявляется:

1. Уничтожение бывшего правления.
2. Учреждение временного, до установления постоянного, выборного.
3. Свободное тиснение, и поэтому уничтожение цензуры.

4. Свободное отправление богослужения всем верам.
5. Уничтожение права собственности, распространяющееся на людей.
6. Равенство всех сословий перед законом...
7. Сложение подушных податей и недоимок по оним...
10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.
11. Убавление срока службы военной для нижних чинов и определение оного последует по уравниении воинской повинности между всеми сословиями.
12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет...
14. Гласность судов.
15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские. Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчиняет все части высшего управления...

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравниение прав всех сословий.
2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.
3. Образование внутренней народной стражи.
4. Образование судной части с присяжными.
5. Уравниение рекрутской повинности между сословиями.
6. Уничтожение постоянной армии.
7. Учреждение порядка избрания выборных в Палату представителей народных, кои должны утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение

(цит. по: Декабристы: сб. отрывков из источников /сост. Ю.Г. Оксман. М., – Л., 1926. С.179-181, 236-248).

«Южане» и «северяне» находились в постоянном контакте, однако обсуждение общей платформы действий тайной организации явно затянулось. Информация о ее деятельности уже начинала просачиваться за пределы круга доверенных лиц и становиться достоянием высших чиновников государства.

Как только в Петербург пришло известие о смерти Александра, лидеры Северного общества начали собираться на квартире одного из его руководителей поэта Кондратия Рылеева и обсуждать планы своих действий. Было решено выступить в тот момент, когда власти начнут приводить войска и государственных служащих столицы к

присяге на верность Николаю. Декабристы использовали то обстоятельство, что в армии и гвардии не любили Николая – лозунг защиты интересов «истинного» монарха Константина был успешно использован в антиправительственной пропаганде среди солдат.

Однако начатое утром 14 декабря выступление сопровождалось рядом серьезных просчетов его организаторов: поднятые на выступление солдаты Московского полка, гренадеры, а потом и моряки Гвардейского экипажа опоздали к началу присяги Сената, они неоправданно долго простояли затем без действия на Сенатской площади. Так и не явился туда накануне назначенный заговорщиками руководитель – диктатор князь Сергей Трубецкой, а многие другие декабристы не проявили необходимой в этой ситуации решительности, согласованности действий, не учли значения артиллерии и т. п. В итоге инициатива перешла к Николаю, и он в конечном счете подавил выступление. Вот как показывают два источника разного происхождения драму на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.:

Сообщение военного министра А. И. Татищева командующему 2-й армией фельдмаршалу П. Х. Витгенштейну:

«Декабря 14-го поутру Государь Император извещен был начальником штаба Гвардейского корпуса, что несколько рот лейб-гвардии Московского полка отказались от должной Его Величеству присяги и, завлеченные буйством своих капитанов, овладев знаменами, принесенными к полку для присяги, изранили своего бригадного командира генерал-майора Шеншина и полкового командира генерал-майора Фредерикса, что толпа сия в величайшем неистовстве взяла направление к Исаакиевской площади, увлекая силою встречающихся офицеров, но другая часть полка осталась покорная и в порядке.

Государь Император, дав повеление генерал-майору Нейдгарту велеть лейб-гвардии Семеновскому полку немедленно идти унять бунтующих, а Конной гвардии – быть готовой по востребованию, сам изволил сойти на дворцовую главную гауптвахту, где караул был от лейб-гвардии Финляндского полка, и приказал им зарядить ружья и занять главные ворота дворца. Между тем доходили до Государя Императора сведения, что роты бунтовавшие были 5-я и 6-я Московского полка, что они уже вошли на площадь против Сената и что при них находится толпа разных людей в самом буйственном виде. Государь Император изволил приказать тогда же первому батальону лейб-гвардии Преображенского полка немедленно прийти

к Его Величеству на Дворцовую площадь, что им и исполнено в невероятной скорости, – тогда же прибыл к Государю Императору военный генерал-губернатор Милорадович с известием, что толпа произносит крик и восклицания «Ура, Константин!» и что он полагает, что сие иное не может быть как предлог к самым пагубным намерениям, для которых нужно без отлагательств взять строжайшие меры.

Тогда послано от Его Величества повеление прибыть 3-м ротам лейб-гвардии Павловского полка, свободным от караула, и лейб-гвардии Саперному баталиону, которому занять Зимний дворец, а третьему баталиону прибыть немедленно к Его Величеству. Между тем сам Государь Император с первым баталионом Преображенского полка пошел навстречу бунтующим, дабы предупредить всякое покушение на дворец, в коем изволили находиться Их Императорские Величества Государыни Императрицы и прочие члены императорской фамилии. Прибыв против дома княгини Лобановой, Государь Император услышал выстрелы, и тогда же донесено Его Императорскому Величеству, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ранен смертельно бунтовщиками; в то же время прибыл к Государю Императору Конно-гвардейский полк и вслед за ним три роты лейб-гвардии Павловского полка, вскоре потом и Его Высочество Михаил Павлович привел баталион лейб-гвардии Московского полка, который с большим усердием просил позволения смыть кровию бунтующих срам и бесчестие мундиру своему нанесенное, но Государь Император, не желая проливать крови, предпочел меры кротости и увещания, но ни уважение Его Величества, ни присутствие митрополита, ни угрозы не могли склонить их к сдаче.

Напротив того, буйство приметно возрасло и к шайке прибыли разные толпы лейб-гвардии Гренадерского полка солдат с тремя офицерами и знаменем оною и тогда же начали стрелять из среды шайки.

Посему решено было Его Величеством прибегнуть к мерам строгости, тем необходимейшим, что чернь, подкупаемая деньгами и подносимым вином, начинала приставать к бунтующим... Прежде, однако ж, нежели приступить к последним мерам строгости, Государь Император изволил повелеть лейб-гвардии Конному и Кавалергардскому полкам сделать покушение, устрасить бунтовщиков атакою, весьма трудною, впрочем, по тесному месту и выгодному расположению мятежной шайки, усиленную уже большею частию баталиона Гвардейского экипажа, но сия мера не имела желаемого

успеха, мятежники стояли твердо и, пользуясь выгодой своего места, продолжали свое неистовство, тогда Его Величество решился с душевным прискорбием вывести против мятежной толпы четыре орудия, приказав зарядить картечью, послав в последний раз им сказать, чтоб они предалась милости Государя Императора, но, получив решительный отказ, повелел начать стрельбу. По второму выстрелу шайка рассыпалась...»

(цит. по: Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Л.: Лениздат, 1989. С. 8-13).

Из воспоминаний декабриста генерал-майора М. А. Фон-визина:

«13 декабря казалось, что все было приготовлено тайным обществом к решительному действию: оно считало на гвардейские полки, в которых было много членов, ручавшихся за успех, как один член Союза, адъютант начальника гвардейской пехоты генерала Бистрома, поручик Ростовцев, не из корыстных видов, а испуганный мыслию о междоусобном кровопролитии, идет во дворец и открывает Великому князю Николаю намерения и надежды тайного общества воспрепятствовать его восшествию на трон. Великий князь в ту же ночь созывает во дворец начальников гвардейских полков (в числе их был один член тайного общества генерал Шипров) и льстивыми убеждениями, обещаниями наград и т. п. преклоняет их к присяге императору Николаю, зная, что этим они свяжут совесть своих солдат. Этой счастливой проделкой Николай Павлович удачно избегает опасности, ему угрожавшей.

Тайное общество могло тогда рассчитывать на части лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков и на батальон Гвардейского морского экипажа, которые твердо решились стоять за права Великого князя Константина, полагая, что жизнь его в опасности. Декабря 14-го на рассвете этот малочисленный отряд, над которым приняли начальство военные члены тайного общества, собирается на Сенатской площади в уверенности, что гвардия его поддержит.

Но гвардейские полки, так недавно связанные присягою, данною Николаю I хотя не с большим усердием, а по приказанию начальников, идут против отряда, собравшегося на Сенатской площади, к которому присоединилась большая толпа народа. Император посылает уговаривать солдат положить оружие. Неустрашимый генерал-губернатор Милорадович с тем же намерением скачет к отряду, но в ту же минуту, смертельно раненный пулей, падает. Трепеща от

страха, петербургский митрополит Серафим в угождение царю, окруженный своей свитой, подходит к отряду, начинает убеждать солдат, но напрасно теряет слова. Конная гвардия идет в атаку на инсургентов, и они опрокидывают ее батальонным огнем.

Наконец подвозят шесть батарейных орудий и несколько карточных выстрелов с близкого расстояния расстраивают ряды инсургентов и заставляют их рассеяться. Если б отряд, вышедший на Сенатскую площадь, имел предприимчивого отважного начальника и, вместо того чтобы оставаться в бездействии на Сенатской площади, он смело повел бы его до прибытия гвардейских полков ко дворцу, то мог бы легко захватить в плен всю императорскую фамилию. А имея в руках таких заложников, окончательная победа могла бы остаться на стороне тайного общества».

(цит. по: Гордин Я. А. Указ. соч. С 8-13).

Разбежавшиеся с площади солдаты были отчасти уничтожены правительственными войсками, отчасти сдались на милость победителей. Были арестованы и все руководители выступления. Под следствием оказалось 579 человек. В конце декабря 1825 г. началось восстание Черниговского полка на Украине. Пестель был накануне арестован, и черниговцами командовали С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин. Поначалу восставшим сопутствовал успех, но 3 января 1826 г. они были разбиты и рассеяны верными Николаю частями.

Следствие и суд завершились к лету 1826 г. Руководители мятежников – Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин, Кондратий Рылеев и Петр Каховский – были повешены 13 июля 1826 г., 121 человек сослан в Сибирь, мятежные солдаты приговорены к шпицрутенам, каторжным работам, отправлены на Кавказскую войну.

Власть, испытывавшая страшный шок мятежных дней, с крайней подозрительностью начала относиться ко всяким предложениям модернизации и перемен.

В весьма сложном положении оказался и новый император Николай I. Ужас кровопролития, совершеннейшая неясность обстановки, в которой начиналось его царствование, отсутствие опыта и знаний – все это серьезно сказалось на состоянии 29-летнего императора. Отчаяние его открыто обнаружилось лишь однажды, когда вскоре после восшествия на престол он пригласил в свой кабинет французского посланника Лафероннэ и со слезами бросился к нему на грудь:

«Постигаете ли вы, какие впечатления и чувства волнуют и давят меня в продолжение целого месяца? Я молод и неопытен, никогда не желал верховной власти и не мечтал о ней, и вот, мой друг, под какими предзнаменованиями я вступил на престол! Посудите же, что должно происходить у меня в душе! Я говорю с вами с полной откровенностью и искренностью... Вы видели, что произошло. Вообразите же, что я чувствовал, когда был вынужден пролить кровь, прежде чем окончился первый день моего царствования! Никто, за исключением, быть может, вас и моей жены, не в состоянии понять ту жгучую боль, которую испытываю я и буду испытывать во всю мою жизнь при воспоминании об этом ужасном дне. Я знал заранее, какова подавляющая тяжесть короны, и Бог мне свидетель, что я всею силою своих помыслов отвергал ту, которую необычайные обстоятельства заставили меня принять. Между тем злодеи, задумавшие этот мерзкий заговор, вынуждают меня поступать так, как если бы мое намерение было вырвать корону из рук того, кому она принадлежит... Положение мое, дорогой друг было ужасно, и никто не сумел или не захотел понять его. Но призываю в свидетели небо и клянусь честью, что я прислушивался только к голосу моей совести, сообразывался лишь с моими чувствами, которые ныне и всегда останутся запечатленными в душе. Я находил, нахожу и теперь, что если бы брат Константин внял моим настойчивым мольбам и прибыл в Петербург, то мы избежали бы ужасающей сцены, коей вы были свидетелем, и опасности, которой она подвергла нас в продолжение нескольких часов. Он не счел нужным уступить моим просьбам. Невозможность немедленно обнародовать все, происходящее между им и мною, необходимость положить конец продолжительной и опасной неизвестности, в которой находилось общество, заставило меня тогда принять престол. Но заговорщики вообразили, что они разом нашли и предлог, и способ действовать. Они ухитрились внушить о разделе между братом и мною, а мое поведение изобразили в самом гнусном свете. Одной силой клеветы и уверив солдат, что государь, с коим связывала их первая присяга, находится в заточении и вверяет им заботу отомстить за него, успели ввести некоторых из них в заблуждение. Вот что делало мое положение в прошлый понедельник в тысячу раз ужаснее, чем я могу вам выразить. Я был увлечен необходимостью чтобы спасти столицу, быть может, империю от страшной катастрофы, пролить кровь несчастных, большая часть которых доказывала своим участием в

бунте, до чего может их довести верность присяге и преданность царю...

Я начинаю царствование, повторяю вам, под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много; но с вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару и для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования. Я буду непреклонен, я обязан дать этот урок России и Европе. Но не устану вам повторять: сердце мое раздирается и у меня постоянно перед глазами ужасное зрелище, ознаменовавшее день моего вступления на престол»

(цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. Спб., 1903. С. 343-347).

Речь царя, обращенная к Лафероннэ, очевидно, исполнена беспокорства по поводу легитимности собственной власти. Николаю нужно было развеять сомнения, которые могли закрасться в умы европейских наблюдателей, в праве его на престол.

Между тем три дня спустя после этой сцены в Зимнем, 20 декабря 1825 г. Николай написал брату Константину в Варшаву письмо, проникнутое силой и уверенной предусмотрительностью:

«Начну с заверения вас, что здесь, с Божией помощью, во всем водворился обычный порядок. Настроение умов очень хорошо и сделается еще лучше, когда вас увидят здесь... Наши расследования идут превосходно, равно как и аресты всех имеющихся под рукою лиц, членов этого ужасного и необычайного заговора; извлечение всего происходящего в этом отношении посылается вам с настоящим курьером; вы встретите в нем хорошо известные фамилии; у меня имеются подозрения, слишком обоснованные для того, чтобы быть уверенным, что это восходит до Государственного совета, а именно до Мордвинова; но так как я держусь правила обрушиваться лишь на тех, которые разоблачены или на которых падают слишком сильные подозрения для того, чтобы оставить их на свободе, я ничем не спешу. Здесь одно рвение, чтобы помогать мне в этом ужасном деле, отцы приводят своих сыновей, все желают примерных наказаний и в особенности видеть свои семьи очищенными от подобных личностей и даже от подозрения этого рода. Я ожидаю Михаила Орлова и Лопухина, которые должны быть уже арестованными. Самые главные, арестованные во второй армии, что подтвер-

ждается как Вадковским, доставленным сюда вчера, так и всеми прочими. В особенности важно иметь Пестеля и Сергея Волконского; я ожидаю также Муравьева и Чернышева – вот в каком я положении. Я завален делом, вы поймете это, пожалеете меня и не будете на меня сердиться за беспорядочность этих строк; но у меня голова идет кругом...»

(цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 320).

Вот один из характернейших документов того времени, составлением которых занимался царь и его правительство в декабре 1825 г.:

«Объявление. По распоряжению полиции отыскивается здесь коллежский асессор Кюхельбекер, который приметам: росту высокого, сухощав, глаза навывкате, волосы коричневые, рот при разговоре кривится, бакенбарды не растут; борода мало зарастает, сутуловат и ходит немного искривившись; говорит протяжно, от роду ему около 30-ти лет. Почему поставляется в непременную обязанность всем хозяевам домов и управляющим оными, что есть ли таких примет человек у кого окажется проживающим или явится к кому-либо на ночлег, тот час представить его в полицию, в противном случае с укрывателями поступлено будет по всей строгости законов. Декабря 30 дня 1825 года. С. Петербургский обер-полицмейстер Шульгин»

(цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 457).

Молодой император показал себя талантливым следователем, обладавшим немалым, как мы уже видели, актерским мастерством и сумевшим расположить к себе многих подследственных декабристов. Впрочем, как известно, они и не скрывали своих взглядов и полагали, что если хотя что-нибудь сказанного или написанного ими император использует в своем царствовании и тем самым уже принесет пользу России, и они не ошиблись: после окончания процесса над декабристами и казни их предводителей 13 июля 1826 г. Николай распорядился, чтобы секретарь Следственной комиссии по делу декабристов Боровиков составил для внутреннего пользования экстракт из дел, в котором бы учел все идеи декабристов относительно преобразования государства и исправления замеченных недостатков. Эта записка Боровикова лежала на рабочем столе императора, и он к ней не раз обращался.

Из всех следственных материалов, которыми располагал новый император, он сделал для себя несколько важнейших выводов. Пер-

вым и самым главным был признан вопрос о государственной безопасности, о разнообразных мерах по пресечению и, более того, по предупреждению возможного повторения декабрьских событий. Первой такой мерой было создание III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Проект организации нового ведомства подготовил генерал-адъютант Александр Христофорович Бенкендорф, вскоре назначенный его руководителем. Одновременно он стал и шефом особого воинского подразделения – жандармского корпуса. Смысл реформы сам Бенкендорф пояснял в своих записках так:

«Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из внезапно открытого заговора, обогрившего кровью первые минуты царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие; государь избрал меня для образования высшей полиции, которая бы покровительствовала утеснимым и наблюдала за злоупотреблениями и людьми, к ним склонными. Число последних возросло до ужасающей степени с тех пор, как множество французских искателей приключений, овладев у нас воспитанием юношества, занесли в Россию революционные начала своего отечества и еще более со времени последней войны через сближение наших офицеров с либералами тех стран Европы, куда заводили нас наши победы. Никогда не думав готовиться к этому роду службы, я имел о нем лишь самое поверхностное понятие, но благородные и благодетельные побуждения, давшие повод к этому учреждению, и желание быть полезным новому нашему государю не позволили мне уклониться от принятия образованной им должности, к которой призвало меня высокое его доверие. Решено было учредить под моим начальством корпус жандармов. Всю империю разделили в сем отношении на семь округов; каждый округ подчинен генералу и в каждую губернию назначено по одному штаб-офицеру; дальнейшее же развитие и образование нового установления было предоставлено времени и указаниям опыта. Учрежденное в то время III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии представляло под моим начальством средоточие этого нового управления и вместе высшей секретной полиции, которая в лице тайных агентов должна была помогать и способствовать действиям жандармов...»

(цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 465-466).

Исследователь истории III Отделения И. М. Троцкий пишет: «Само по себе III Отделение являлось учреждением с сравнительно небольшим аппаратом. Первоначально личный состав был определен в 16 человек, которые должны были обслуживать все четыре экспедиции. Функции между этими экспедициями распределялись следующим образом. I экспедиция ведала всеми политическими делами – «предметами высшей полиции и сведениями о лицах, состоящих под полицейским надзором». II экспедиция – раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и ...крестьянским вопросом: III экспедиция занималась специально иностранцами. IV экспедиция вела переписку о «всех вообще происшествиях», ведала личным составом, пожалованиями и т.п.

Постепенно работа III Отделения усложнилась. В 1828 г. к кругу его деятельности была причислена и театральная цензура, в 1842 г. выделенная в специальную V экспедицию. Увеличивалось число служащих – к концу николаевского царствования штат состоял из 40 человек. Тем не менее строгого размежевания дел между экспедициями не было, в течение долгого времени не было и установленной формы переписки. Наиболее же секретные дела, в том числе и работа тайной агентуры, были подчинены непосредственно управляющему III Отделением – сначала М. Я. фон Фоку, потом А.Н. Мордвинову и Л. В. Дубельту. Управляющий Отделением вместе с двумя-тремя наиболее ответственными сотрудниками собственно и являлся центральным двигателем всей системы. Он непосредственно сносился с тайными агентами, на его имя поступали многочисленные доносы и жалобы, от него зависело дать делу тот или иной оборот, так или иначе средактировать всеподданнейший доклад и т. п.»

(цит. по: Троцкий И. М. III Отделение при Николае I. Л.: Лениздат, 1990. С. 14-15).

Составление всеподданнейших докладов на основании собранной информации являлось важнейшей функцией нового учреждения. Николай поставил цель следить за состоянием общества, знать, чем дышит каждая сословная группа и, по возможности, каждый человек. III Отделение и было таким информационным центром для самодержавного властителя. До нашего времени дошло немало отчетов этого ведомства о состоянии умов в России.

Но если бы деятельность III Отделения ограничивалась сбором и анализом информации о состоянии общественного мнения! Несмотря на свою малочисленность, оно быстро стало влиятельнейшим учреждением в стране, решавшим судьбу практически каждого подданного. Бенкендорфу и особенно его преемнику Л. В. Дубельту удалось организовать плотную сеть агентуры, как платной, так и добровольной. В эту сеть попадали все, кто начинал выражать хоть какое-то недовольство существующим порядком. Дубельт не останавливался и перед провокацией – заведомо гнусным способом выявления недовольных. Наиболее известна провокация в отношении кружка М. В. Буташевича-Петрашевского в 1849 г.

Оказывается, что все столь шумное дело Петрашевского началось с того, что во время негласного обыска у лицеиста Александровского (бывшего Царскосельского) лицея в вещах 15-летнего А. Унковского было найдено либретто к сатирической опере-буфф «Поход в Хиву», где высмеивался брат министра внутренних дел В.А. Перовский – неудачный завоеватель Средней Азии. Главноведущий лицеем принц Ольденбургский выяснил, что Унковский и его друзья посещают без разрешения начальства некоего молодого юриста-переводчика, выпускника лицея М. В. Петрашевского. За Петрашевским был учрежден негласный надзор, с тем чтобы выведать, «какого он поведения, какие знакомства имеет, кто бывает у него в гостях и чем занимаются». Казалось бы, по столь пустяковому доносу вряд ли стоило утруждать чиновный аппарат дорогостоящей работой по слежке за человеком, состоявшим на службе в министерстве иностранных дел и имевшим степень кандидата юридического факультета. Однако люди с юридическим образованием, да еще занимавшиеся распространением знаний среди молодежи, особо интересовали III Отделение. Один из руководителей этого учреждения – начальник штаба Корпуса жандармов Дубельт пребывал в дремучей уверенности в том, что широкое распространение знаний является главной опасностью, и всерьез предлагал «выдавать знания строго по рецепту», словно «яды». И поскольку, считал он, особенно грешат этим юристы, то их следует держать под особым контролем. Как вспоминал в своих мемуарах директор Училища правоведения князь Н. С. Голицын, при Николае I внутри России сугубо усилилось действие пресловутого III Отделения, бывшего в то время высшего полицейского учреждения под управлением графа Орлова, но в сущности генерала Дубельта, души этого

отделения. Шпионы и шпионство усилились до крайности и им подвергались все учебные заведения в Петербурге, в том числе и Училище правоведения. А другой современник петрашевцев Н.М. Колмаков вспоминал: «В особенности III Отделение... зорко следило за деятельностью бывших тогда поверенных или адвокатов. Редкий из них не побывал в III Отделении для объяснения с генералом Дубельтом». Первая слежка за Петрашевским длилась два месяца. Все это время агенты... неусыпно следили за маленьким домиком в Коломне (район Петербурга, где жил Петрашевский), подслушивали в Министерстве иностранных дел, где служил подозреваемый, осторожно выспрашивали у соседей и знакомых компрометирующие сведения, но ничего предосудительного обнаружить не смогли. Особенно сильным было стремление жандармов проникнуть в квартиру Петрашевского. Он сам рассказывал позже, что какие-то два господина две недели подряд ходили около его дома, выспрашивали у его прислуги и дворника о нем самом, о людях, посещающих его. Но поскольку дворник был верный человек, а «прислуга состояла из двух мальчишек, из коих старший очень глуп, а второй очень молод, чтобы что-нибудь понимали... то эти господа ничего и не могли узнать». Вскоре Петрашевского посетил неизвестный господин с рекомендательным письмом и предложил заложить ему имение. Этот господин показался Петрашевскому весьма подозрительным, что-то в его облике, манере поведения настораживало. Он тут же позвал находившегося у него в услужении мальчика, который уличил гостя в том, что он ранее расспрашивал его о барине (Петрашевском). Петрашевский велел подать гостю шинель, "сказав, что он дурак и чтобы тот, кто его послал, выбирал людей поумнее"»

(цит. по: Ввозной А.Ф. Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. С. 42-43).

Следующей стадией работы полиции стало внедрение в кружок людей, собиравшихся по пятницам у Петрашевского, агента-студента Антонелли, который должен был побудить Петрашевского и его товарищей к более решительным действиям, что по сути и было полицейской провокацией. Всем этим делом ведал человек незаурядный, смелый и умный, некогда приятель А. С. Пушкина, прообраз знаменитого героя рассказа «Выстрел» – И. Липранди, бывший тогда чиновником особых поручений при министре внутренних дел Перовском. Последний как раз и организовал все «дело»

Петрашевского, с тем чтобы выслужиться перед царем как автор раскрытия разветвленного революционного заговора в самом Петербурге. Благодаря провокатору под умелым руководством Липранди заговор удалось «организовать», а потом «успешно раскрыть».

Деятельность полиции и III Отделения создавала в стране удручающую атмосферу доносов, шпионажа, подозрительности и страха, жить в которой становилось трудно. Особенно страдали мыслящие совестливые люди, страдала литература, которая была объектом самого тщательного надзора властей посредством свирепой цензуры. Провинившиеся литераторы, издатели подвергались гонениям и репрессиям. Особенно громким стало дело о публикации отставным гвардии ротмистром П. Я. Чаадаевым своих «Философических писем» в журнале «Телескоп» за 1836 г. Чаадаев довольно критически размышлял об исторических судьбах России, высказывал весьма смелые и спорные идеи о ее роли и предназначении. Именно это вызвало особый гнев императора Николая I.

«Нельзя было резче разойтись с официальной точкой зрения, считавшей, что «прошлое России изумительно, настоящее более чем превосходно, а будущее не поддается описанию». Письмо Чаадаева, по словам Герцена, было «выстрелом, раздавшимся в темную ночь» и, конечно, разбудило ночных сторожей. «Телескоп» был запрещен, цензор Болдырев отставлен от службы, а редактор Надеждин сослан в Усть-Сысольск. Что касается Чаадаева, то к нему была применена резолюция Николая: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной – смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного...». Жандармы не могли примириться с тем, чтобы российский дворянин и отставной гвардии ротмистр мог в здравом уме и твердой памяти признать прошлое и настоящее России никуда не годным. Решено было... считать Чаадаева сумасшедшим! В этом смысле и было составлено отношение Бенкендорфа к московскому военному генерал-губернатору князю Голицыну. Отношение это мы приводим целиком, как непревзойденный образец жандармского лицемерия: «В последневышедшем номере 15-м журнала «Телескоп» помещена статья под названием «Философические письма», коей сочинитель есть живущий в Москве г. Чеодаев. Статья сия, конечно, уже Вашему сиятельству известная, возбудила в жителях московских всеобщее удивление. В ней говорится о России, о народе русском, его понятиях, вере и истории с таким презрением, что непонятно даже, каким образом русский мог унижить себя до

такой степени, чтоб нечто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающиеся чистым, здравым смыслом и будучи преисполнены чувством достоинства русского народа, тотчас постигли, что подобная статья не могла быть написана соотечественником их, сохранившим полный свой рассудок и потому, как дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодования против г. Чеодаева, но, напротив, изъявляют искреннее сожаление свое о постигшем его расстройстве ума, которое одно могло быть причиною написания подобных нелепостей. Здесь получены сведения, что чувство сострадания о несчастном положении г. Чеодаева единодушно разделяется всею московской публикой. Вследствие сего Государю Императору угодно, чтобы Ваше сиятельство, по долгу звания вашего, приняли надлежащие меры к оказанию г. Чеодаеву всевозможных попечений и медицинских пособий. Его Величество повелевает, дабы Вы поручили лечение его искусному медику, вменив сему последнему в обязанность непременно каждое утро посещать г. Чеодаева и чтоб сделано было распоряжение, дабы г. Чеодаев не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха; одним словом, чтобы были употреблены все средства к восстановлению его здоровья. Государю Императору угодно, чтобы Ваше сиятельство о положении Чеодаева ежемесячно доносили Его Величеству».

(цит. по: Троцкий И. М. Указ. соч. С. 49-50).

От всевидящего ока тайной полиции укрыться было практически невозможно никому. Однако было бы неверным представлять Николая как тупого солдафона, бесчувственного и жестокого гонителя и реакционера. Такая точка зрения, весьма популярная в советской историографии, лишена самого важного, что требуется от ученого, – историзма, изучения явления прошлого в его по возможности полном контексте. Судьба Николая по-своему не менее трагична, чем судьба его старшего брата императора Александра I, пытавшегося провести необходимые обществу реформы и остановившегося перед лицом непреодолимых трудностей, связанных с консервативным общественным мнением, отсутствием в обществе тех политических сил, которые могли бы поддержать реформаторские усилия императора. Несмотря на то, что по своему воспитанию, складу ума и интересам Николай был более воин, полководец, инженер, чем политик, изощренный тактик, мыслитель, он с самого начала своего царствования встал на путь необходимых России перемен. Вопрос о

крепостном праве был для него вторым важнейшим после вопроса о сохранении политического режима и поддержании государственной безопасности. Он нисколько не заблуждался относительно того экономического, политического и морального ущерба, который нанесло русскому обществу крепостное право.

6 декабря 1826 г. был создан секретный Комитет под руководством В. П. Кочубея для выработки вариантов постепенного облегчения крепостного права с перспективой его отмены в будущем. Работа Комитета, как и других ему подобных, создаваемых по указам императора в 1835, 1839, 1840, 1844, 1848 годах, не увенчалась успехом.

Было немало причин того, что в продолжение 30-летнего царствования Николая I все эти шаги не привели к отмене крепостного права. Одна из них в том, что, сознавая необходимость перемен, Николай оставался решительным противником всяких попыток поколебать устои империи, которую унаследовал от предков и которую должен был передать своим потомкам в целостности и сохранности, процветающую и могущественную. Не будучи реформатором по духу, царь относил к числу незыблемых устоев форму правления – неограниченную власть самодержца, военное могущество России, а также существующий порядок землевладения.

Следует отметить, что среди государственных деятелей этого периода не было, за редким исключением (граф П. Д. Киселев), людей ярких и талантливых, которые могли бы воздействовать на императора иначе. Кроме того, нельзя забывать, что огромная масса русского дворянства все еще не разделяла идей освобождения крестьян, встречая малейшее послабление крепостного права в штыки.

Неблагоприятно складывалась и внешнеполитическая ситуация. Мировое устройство, определенное, как казалось участникам Венского конгресса, раз и навсегда, именно при Николае I стало трещать по швам. Французская революция 1830 г. и свержение Бурбонов повергли Николая в шок. Поначалу он хотел окончательно порвать отношения с Францией и не допускать в Петербург корабли под трехцветным французским флагом. «Да, – заявил он французскому посланнику Вургонэ, – таков мой образ мыслей: принцип легитимизма – вот что будет руководить мною во всех случаях».

Следом вспыхнуло восстание в Польше, и Николай был свергнут с престола польского короля. Это жестоко уязвило самолюбие императора и престиж его власти. В 1831 г. восстание было подавлено, но страх перед революционными идеями, которые могут проникнуть в Россию, только усилился. Эти идеи были в глазах царя подобием холерной заразы, которая в начале 30-х годов XIX в. распространилась по России, проникла в столицу, армию и даже в императорскую семью (брат Николая Константин умер от холеры). В письме своему близкому сподвижнику фельдмаршалу Паскевичу он признавался: «Заразы нравственной всего более боюсь». И поэтому предписывал как можно чаще менять гарнизон в Варшаве, чтобы предупредить проникновение революционных идей в святая святых для него как самодержца и полководца – в армию.

Человек смелый, храбрый, стойкий в испытаниях, он не был искусен в политике, обнаруживая приверженность упрощенным путям и средствам в решении сложнейших проблем, которые вставали перед ним. Консерватизм Николая усилился после европейских революции 1848 г., когда один за другим стали рушиться троны монархической Европы, а России пришлось срочно спасать одну из великих монархий тогдашнего мира – австрийскую. После этих событий в стране окончательно утвердилась стагнация, в условиях которой и речи не могло идти об отмене крепостного права.

В итоге Николай все свое царствование не выходил из круга малопродуктивных идей об отмене крепостного права в бесконечно далекой перспективе при неизменном сохранении земельной собственности помещиков. Это направление мысли прослеживается в речи Николая I на заседании Государственного совета 30 марта 1842 г.:

«Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное: но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более губительным. Император Александр I, в намерениях коего в начале его царствования было даровать свободу крепостным людям, впоследствии сам отклонился от сей мысли как еще совершенно преждевременной и невозможной в исполнение. Я также никогда на сие не решусь: если время, когда можно будет к тому приступить вообще еще далеко, то в настоящую эпоху всякий помысел о сем был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства. Пугачевский бунт доказал, до чего может дос-

тигнуть буйство черни. Позднейшие события и попытки сего рода доселе всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно так же будет предметом особенной помощи Божию успешной заботливости правительства. Но нельзя скрывать от себя, что ныне мысли уже не те, какие бывали прежде: всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положение не может продолжаться НАВСЕГДА... Но если настоящее положение таково, что не может продолжаться, а решительные меры без общего потрясения невозможны, то необходимо, по крайности, приуготвить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей и, устрасаясь перед всякою переменой, хладнокровно обсудить ее пользы и последствия. Не должно давать вольности, но должно открыть путь к другому, переходному состоянию, связав с ним ненарушимое право вотчинной собственности на землю. Я почитаю сие священной своей обязанностью и обязанностью преемников своих на престоле...»

(цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Спб., 1888. С.60-61).

В своей специальной работе А. А. Кизеветтер писал о внутренней политике этого периода следующее: «Широко распространен тот взгляд, что внутренняя политика правительства императора Николая I была безусловно чужда каких-либо преобразовательных начинаний, что это была политика застоя. Этот взгляд не может быть принят без существенных оговорок. Особенность внутренней политики названного царствования заключалась не в недостатке преобразовательных попыток, а скорее наоборот: в той самонадеянности, с которой правящая бюрократия бралась за разработку широких и коренных государственных задач. И если, тем не менее, это царствование никогда и никем не будет названо эпохой реформ, причина тому лежит в своеобразии приемов и способов, посредством которых подготовлялись тогда задуманные преобразования и которые заранее обрекали на полное бесплодие все попытки правительства вступить на путь реформационной работы. Вряд ли кто решится причислить императора Николая Павловича к разряду утопистов, а между тем политическая программа его царствования отличалась чрезвычайной утопичностью.

Две несбыточные идеи лежали в ее основе: 1) мысль о возможности разрешения крупных государственных проблем путем час-

тичных и нечувствительных изменений в мелких подробностях старого порядка и 2) надежда провести в жизнь реформу этого порядка при помощи тех органов, которые сами входили необходимым элементом в его состав. Задумывались реформы, которые должны были всколыхнуть самые глубины народной жизни, и при этом говорилось, что преобразование предстоит осуществлять такими мерами, которые «отнюдь не имели бы вида какой-нибудь перемены». Готовились снимать с народа цепи крепостной неволи и ждали разрешения этой великой проблемы от сановных бюрократов, которые сами выросли целиком на горбу порабощенного крестьянства, а в то же время все живые побегии прогрессивной общественной мысли взнуздывались всезахватывающей полицейской опекой. Нетрудно предугадать, что получалось с результатами подготовки государственных преобразований по такому своеобразному методу. Скрипели перья, исписывались горы бумаги, комиссии и комитеты непрерывно сменяли друг друга, и деятельность правящих сфер носила все видимые черты интенсивной работы. Но эта бумажная работа не получала реального отражения на жизненной практике. Ее содержание сводилось к изощренному словесному развитию некоторых предрешенных положений, в которых каждая сколь-нибудь жизнеспособная мысль всегда была обставлена коварными ограничительными оговорками, лишавшими ее всякого практического значения. То был непрерывный бюрократический «бег на месте», подобный тому, который употребляется в гимнастике и при котором люди, деятельно двигаясь, никуда не подвигаются. Только привлечение к государственной работе живых общественных сил могло бы придать реальное значение преобразовательным попыткам правительства, но такое привлечение как раз и не входило в политическую программу николаевского царствования: первым требованием этой программы было отрицание всякого рода общественной самодеятельности и инициативы и уже затем вторым номером ставилась подготовка социальных преобразований.

История преобразовательных попыток в царствование императора Николая Павловича представляет яркий образчик беспомощности всесильной на вид бюрократии, отгородившейся ото всякого общения с живыми силами страны. Обе указанные выше характеристичные черты этой политики – и сознание необходимости серьезных преобразований и боязнь участия общества в их разработке – выросли из одного того же зерна, глубоко запавшего в душу импе-

ратора Николая. То было 14 декабря 1825 г. Событие, разыгравшееся в этот знаменательный день на Сенатской площади Петербурга, не выходило из головы императора в течение всей его жизни. Оно произвело на государя двойственное впечатление. С одной стороны, он был потрясен готовностью тайных обществ прибегнуть к чисто революционным средствам для достижения своих целей и с этого времени во всяком, хотя бы самом невинном проявлении общественной инициативы ему уже чудился призрак кровавого переворота. Отсюда развился тот невыносимый полицейский гнет, который навис над русским обществом на все 30-летие николаевского царствования. Но, с другой стороны, декабристское возмущение и вызванное им расследование деятельности тайных обществ не могло не обнаружить подтачивавших благосостояние России...»

(цит. по: Кизеветтер А. А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Исторические очерки. М., 1912. С. 419-421).

Именно понимание печальных последствий этих недугов для страны и стало причиной создания многочисленных секретных комитетов по крестьянскому вопросу. Трудно оспаривать выводы А.А. Кизеветтера относительно внутренней политики правительства Николая. Большое сомнение, однако, вызывает прозвучавший в цитированном отрывке упрек в том, что царь не привлек «живые силы» страны для решения острых проблем, а опирался только на бюрократию. О каких «живых силах» могла идти речь? Трагедия на Сенатской площади была трагедией и для этих сил. Они либо оказались в Сибири и на Кавказе, либо, разобщенные и запуганные, искали успокоения дома, делали карьеру. Дворянская революционность начинала сходить на спад. Кто-то из современников Николая шутил, что самыми смелыми мужчинами в русском обществе остались женщины, а тиражированные во времена Николая Ноздревы, Маниловы, Чичиковы, Собакевичи «живой силы» не представляли. Нужно было ждать появления нового поколения, способного изменить жизнь. Кроме того, постепенно накапливался идейный материал реформ. То, что монарх говорил об аморальности крепостного права, осуждении жестоких крепостников, забывших о человеколюбии, не могло пройти даром. Исполдволь общество готовилось к отмене крепостного права и деятельностью комитетов по крестьянскому вопросу, обширными записками чиновников и дворян на эту тему, наконец, весьма полезной для будущего деятельностью Кисе-

лева в упорядочении статуса государственных крестьян. Нельзя сбрасывать со счета и те половинчатые, но позитивные в целом законы об ограничении некоторых повинностей крепостных, о запрещении продажи крепостных с публичного торга и разлучении семей, о запрете отдавать крепостных в заводскую работу, отправлять стариков-крепостных в Сибирь, о наложении опеки на поместья особо жестоких помещиков. Все это не пропало даром и в целом работало на будущее. Но людям николаевской эпохи от этого легче не было – настоящее оставалось для них печальным.

Мы не можем сказать, что будущее России не беспокоило Николая. Несомненно, он был человеком ответственным, благо Отечества не было для него пустыми словами. Осуждая декабристов, он отдавал должное их уму, смелости, бескорыстию. Но царь хотел, чтобы на смену смутьянам, думавшим о низвержении старого, проверенного веками порядка, пришли новые люди – такие же смелые, бескорыстные, болеющие за благо России, чтобы они были образованны, умны, но при этом религиозны, законопослушны и преданы государю.

Эта задача воспитания нового поколения людей верноподданных была достаточно непростой. И в той ситуации Николаю показалось, что ее сможет выполнить Сергей Семенович Уваров – блестящий специалист-гуманитарий, литератор, удачливый администратор, трудившийся на ниве просвещения и науки. В 1832 г. он назначается заместителем (или, как тогда говорили, товарищем) министра народного просвещения, а в 1838 г. – министром и на этом посту трудится до 1849 г.

Возвышение Уварова было связано с его взглядами, сформировавшимися под влиянием прусских национал-государственных мыслителей того времени. Их идеи Уваров умело приспособил к российской действительности, благо корни концепции воспитания, которую он исповедовал, нашли благоприятную отечественную почву. В 1843 г. Уваров представил царю докладную записку об итогах деятельности Министерства народного просвещения за 10 лет, на полях которой Николай написал: «Читал с удовольствием».

Приводим часть этой записки, озаглавленной «Начертание главных начал», – обоснование знаменитой концепции Православия – Самодержавия – Народности, впервые сформулированной Уваровым еще в 1833 г., а также выдержки из выводов, к которым пришло министерство при реализации уваровской триады на практике.

Начертание главных начал

Углубляясь в рассмотрение задачи, которую предлежало решить без отлагательства, задачи, тесно связанной с самою судьбою отечества, – независимо от внутренних и местных трудностей этого дела разум невольно почти предавался унынию и колебался в своих заключениях при виде общественной бури, в то время потрясавшей Европу, и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью. Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас ее сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная: найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие, собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения.

К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее, как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков, народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего ПРАВОСЛАВИЯ, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова.

САМОДЕРЖАВИЕ составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношениях к правительству. Спасательное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться.

Наряду с сими двумя национальными началами находится и третья, не менее важное, не менее сильное: НАРОДНОСТЬ. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий, но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий, но народность не заставляет идти назад или останавливаться;

она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей, довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий, если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединила выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа. Просвещение настоящего и будущих поколений, в соединенном духе этих трех начал составляет несомненно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и тот священный труд, который доверенность Вашего Величества возложила на мое усердие и рвение»

(цит. по: Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833-1843 гг. Спб., 1864. С. 2-4).

Как видим, перед Уваровым и многими его современниками стояла актуальная и по сию пору проблема выбора пути для России, ее места в тревожном, постоянно меняющемся, полном противоречий и несовершенств мире. Как не отстать от других, но и не потерять собственного лица, не лишиться своеобразия – от что волновало многих, в том числе Уварова. Он предложил идеологическую доктрину, основы которой процитированы выше, и попытался с помощью мощного рычага – системы воспитания и образования – осуществить свои идеалы. Это ему не удалось по многим причинам. Главная же заключалась в том, что теории преобразования общества в корне противоречили действительности, жизнь России и окружающего ее мира неумолимо разрушала стройные идеологические схемы воспитания новой породы верноподданных. Возможно, что причина провала усилий Уварова была обусловлена и порочностью самой системы образования, которую он внедрял почти 20 лет. Приведенные ниже выдержки из той же Записки Уварова Николаю I иллюстрируют негибкость и неэффективность средств воплощения в жизнь доктрины Православие – Самодержавие – Народность. Уваров исповедовал сугубо сословный, изначально несправедливый подход к образованию, совмещая его с системой строгого полицей-

ского контроля за каждым учителем и учеником, за всей работой.

«Различие потребностей разных сословий народа и разных состояний неминуемо ведет к надлежащему разграничению предметов учения между ними. Система общественного образования тогда только может называться правильно расположенною, когда оно всякому открывает способы получить такое воспитание, какое соответственно роду жизни его и будущему призванию в гражданском обществе. Благородное юношество, лучший цвет возрастающего поколения, предназначаемое самим происхождением своим и способами жизни к занятию важнейших должностей в государстве, долженствовало, по возможности, иметь и воспитание отдельное...

Не исключая даже лиц крепостного состояния от участия в благотворных плодах знаний и просвещения, министерство, однако, считало необходимою обязанностию для себя привести их в меру истинных нужд и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословия. Объем их обучения ограничен одними приходскими и уездными училищами. Переход из низших в средние учебные заведения, а из сих в высшие, везде и для всех состояний подчинен определительным правилам, везде соблюдаемым в точности, в отношении же к людям крепостного состояния эта строгость еще более усилена: они не иначе допускаются в эти заведения, как когда, по воле помещиков, получают увольнение от сего состояния...»

(цит. по: Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833-1843 гг. Спб., 1864. С. 8).

В 1843 г. министру Уварову было в чем отчитываться. Он не только провел реорганизацию учебных округов, резко увеличил число гимназий и училищ, навел порядок и единообразие в системе преподавания, учредил институт особых надзирателей, денно и ночью следивших за учениками, но резко сократил число частных пансионов, провел университетскую реформу, сковавшую университеты жесткой идеологической дисциплиной, ограничившей всякое проявление живой мысли. Но, как часто бывает в России, даже самые благие побуждения реформаторов, реализуемые через чиновный аппарат, дают результаты, совершенно обратные ожидаемым, – уваровские начинания оказались несостоятельными. Это стало очевидным в конце 40-х гг. XIX в., когда начавшаяся в Европе революция похоронила надежды Николая и идеологов самодержавия сохранить Россию как оплот европейской стабильности и легитимизма. После кровавого подавления русскими войсками восста-

ния в Венгрии в 1848-1849 гг. Николай I не только отказался от услуг Уварова и ему подобных, но откровенно и последовательно сделал упор в политике на подавление всякого инакомыслия, на удержание власти в стране только грубой полицейской силой и страхом. Это с неизбежностью обрекло Россию на глубокий внутренний кризис, который разрешился крымской катастрофой.

«Послушаем одного из самых искренних русских писателей, по личным воспоминаниям изобразившего психологию того общества, которому довелось пережить эту зловещую пору: «Не шевелиться, хотя и мечтать; не показать виду, что не боишься; показать, напротив, что «боишься», трепещешь, тогда как для этого и оснований-то никаких нет: вот что выработали эти годы в русской толпе. Надо постоянно бояться – это корень жизненной правды, все остальное может быть, а может и не быть, да и не нужно всего этого остального, еще наживешь хлопот – вот что носилось тогда в воздухе, угнетало толпу, отшибало у нее ум и охоту думать... Уверенности, что человек имеет право жить, не было ни у кого; напротив – именно эта-то уверенность и была умерщвлена в толпе... атмосфера была полна страхов; «пропадешь!» кричало небо и земля, воздух и вода, люди и звери. И все ежилось и бежало от беды в первую попавшуюся нору» (Глеб Успенский)»

(цит. по: Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 498-499).

Все царствование Николая I было по существу попыткой воплотить в жизнь идеи, изложенные еще Н. М. Карамзиным в его «Записке о древней и новой России». Но итог был печален. К середине XIX в. неотвратимость радикальной реформы стала реальностью. Сокрушительное поражение России в Крымской войне и смерть Николая приблизили развязку. Страна находилась на пороге больших перемен...

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЦИТИРОВАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Абалихин Борис Сергеевич – современный историк, д-р ист. наук, проф. Волгоградского пед. ин-та.

Бескровный Любомир Григорьевич (1905-1980) – советский историк, д-р ист. наук, автор трудов по военной истории России.

Васильев Алексей Анатольевич – современный историк, ведущий архивист Российского государственного военно-исторического архива.

Глинка Федор Николаевич (1786-1880) – русский поэт, литератор, участник Отечественной войны 1812 г., автор «Писем русского офицера» и «Очерков Бородинского сражения».

Гордин Яков Аркадьевич – современный писатель, автор книг «Мятеж реформаторов», «Меж рабством и свободой» и др.

Греч Николай Иванович (1787-1867) – русский журналист, писатель, ученый, автор широко известных мемуаров.

Державин Гаврила Романович (1743-1816) – выдающийся русский поэт, государственный деятель, автор автобиографических «Записок».

Ерошкин Николай Петрович (1920-1988) – советский историк, специалист по истории государственных учреждений дореволюционной России, проф. Московского историко-архивного ин-та.

Жилин Павел Андреевич (1913-1987) – советский военный историк, генерал-лейтенант; автор работ по истории Отечественной войны 1812 г.

Карамзин Николай Михайлович (1766-1826) – выдающийся русский историк, писатель, публицист; автор многотомной «Истории государства Российского», с которой связано начало нового этапа в развитии русской исторической науки.

Кизеветтер Александр Александрович (1866-1933) – русский историк и политический деятель (член ЦК партии кадетов); автор работ по истории России XVIII-XIX вв.

Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – крупнейший русский историк, проф. Московского ун-та; автор «Лекций по русской истории» и ряда монографий по истории России эпохи средневековья.

Корф Модест Андреевич (1800-1876) – граф, русский государственный деятель и историк; автор первой биографии М. М. Сперанского.

Курран Майкл – современный американский историк, профессор Университета штата Огайо.

Лихоткин Григорий Александрович – современный историк, канд. ист. наук, доц. Петербургского гос. ун-та.

Мак-Кензи Дэвид – современный американский историк, проф. Университета штата Северная Каролина в Гринсборо.

Манфред Альберт Захарович (1906-1976) – советский историк, проф.; автор работ по истории Франции Нового времени.

Мироненко Сергей Владимирович – современный историк, д-р ист. наук ректор Государственного архива Российской Федерации.

Покровский Михаил Николаевич (1868-1932) – советский историк и государственный деятель, акад., основатель марксистского направления в отечественной историографии.

Покровский Николай Николаевич – современный историк, акад. РАН, д-р ист. наук, проф.; автор трудов по истории России эпохи средневековья, в том числе по истории Сибири.

Сафонов Михаил Михайлович – современный историк, канд. ист. наук, сотрудник Петербургского отделения Ин-та Российской истории РАН.

Соловьев Сергей Михайлович (1820-1879) – крупнейший русский историк, проф. Московского ун-та; автор фундаментального труда «История России с древнейших времен».

Тарле Евгений Викторович (1875-1955) – советский историк, акад.; автор работ по истории Франции и внешней политики России, в том числе: «Нашествие Наполеона на Россию», «Наполеон», «Крымская война» и др.

Тартаковский Андрей Григорьевич – современный историк, д-р ист. наук; автор работ о русской мемуаристике, в том числе книги «1812 год и русская мемуаристика».

Троицкий Николай Алексеевич – современный историк, проф. Саратовского ун-та; автор ряда книг по истории России XIX в.

Троцкий Исаак Моисеевич (1903-1936) – советский историк, проф. Ленинградского ун-та; автор книги «III Отделение при Николае I».

Чаадаев Петр Яковлевич (1794-1856) – русский философ и общественный деятель.

Шильдер Николай Карлович (1842-1902) – русский историк, генерал-лейтенант, директор императорской Публичной библиотеки, чл.-кор. Петербургской АН. Перу Шильдера принадлежат фундаментальные биографии Павла I и Александра I.

Эйдельман Натан Яковлевич (1930-1989) – известный советский историк и писатель, автор ряда книг по истории России XVIII-XIX вв., в том числе о Пушкине, Герцене, декабристах и т.д.

СОДЕРЖАНИЕ

«Дней Александровых прекрасное начало»	3
«Гроза двенадцатого года»	25
<i>Мнения историков об исходе Бородинской битвы</i>	51
От либерализма к реакции	61
<i>Мнения историков о царствовании Александра I</i>	70
Навстречу Крымской катастрофе	74
Краткие сведения об авторах цитированных произведений	105

Учебное издание

Елена Алексеевна Высотина

ИСТОРИЯ РОССИИ
I половина XIX века
(сборник документов и материалов)

Учебное пособие

Редактор Е.П. Евдокимова
Компьютерная верстка Л.П. Бабкиновой

Св-во РПУ-У №1020300970106 от 08.10.02.

Подписано в печать 22.08.08. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 6,2. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 100. Заказ 114.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а